

Адиб ва
жамият

ЛЮДМИЛА БАКИРОВА

Летящим
птицам
нет числа

Союз Писателей Узбекистана
Общественный фонд “Ижод”

“Адиб ва жамият”

Людмила Бакирова

ЛЕТЯЩИМ ПТИЦАМ НЕТ ЧИСЛА

Стихи

Издательство «Kamalak»
Ташкент – 2019

УДК 821.512.133-1

ББК 84(5У)6

Б 19

Бакирова, Людмила.

Б 19 Летящим птицам нет числа [Текст]: *Стихи* / Людмила Бакирова. – Ташкент: «Kamalak», 2019. – 144 с.

ISBN 978-9943-6005-0-8

Книга «Летящим птицам нет числа» – сборник лирических стихотворений известной ташкентской поэтессы, члена Союза писателей Узбекистана Людмилы Бакировой. Здесь собраны стихотворения разных лет, созданные на протяжении всей творческой жизни автора, частично публиковавшиеся в узбекистанских и зарубежных средствах массовой информации, престижных литературно-художественных журналах, альманахах и изданиях. В книге представлены образцы философской, любовной и пейзажной лирики с характерными мотивами русской жизни и реалиями пребывания автора в Узбекистане. Книга адресована самому широкому кругу читателей.

На обложке использована работа художника Ольги Казаковой.

УДК 821.512.133-1
ББК 84(5У)6

ISBN 978-9943-6005-0-8

© Л. Бакирова, 2019

© Издательство «Kamalak», 2019

Людмила Бакирова

Родилась в Кировской области России. Живёт в Ташкенте. Закончила Медицинское училище и факультет журналистики Ташкентского государственного университета.

Работала в сфере медицинского обслуживания, редактором в Рекламе кино Узглавкинопроката, в Госкомитете Уз. ССР по труду, в Республиканском обществе книголюбов.

Стихи публиковались в коллективных сборниках: «Поэзия-88», «Под знакомы осени», «Под крылом Пегаса»; в журналах «Дружба народов» (Москва), «Новая юность» (Москва), «Звезда Востока» (Узбекистан), «Молодая смена» (Узбекистан), «Книголюб» (Казахстан); альманахах «Молодость», «Малый шелковый путь», «Арк», «Анор», антологии женщин-писателей Центральной Азии «Соловей в клетке» (на русском и английском языках), «Литературной газете» (Москва).

Участник Ташкентских открытых фестивалей поэзии (2003-2008). Член Союза писателей Узбекистана.

Людмила Бакирова... От ее стихов веет прохладой чистых родников и зеленым ветром весенних трав. Она – истинно русский поэт. При том, что есть на свете прекрасные строки других авторов, Бакирова всем своим естеством принадлежит к редчайшему явлению под названием «русская поэзия». Не российская, а именно русская. Я не смею сравнивать ее с Некрасовым и Есениным, но то, что она с их планеты, уверен. И дай ей Господь...

Александр Файнберг. Народный поэт Узбекистана

Стихотворения Людмилы Бакировой, помимо психологизмов и философских раздумий, несут в себе еле ощутимый привкус ностальгии, аромат ушедшего, распавшегося навеки.

Лиля Калаус. Главный редактор журнала «Книголюб» (Казахстан).

Стихи Людмилы Бакировой отличает удивительная прозрачность и чистота звучания, и каждый раз при их чтении возникает ощущение маленького чуда, ибо только настоящему поэту дано увидеть в окружающей нас однообразной повседневности отблеск бесконечного.

Бахадыр Ахмедов. Поэт (Узбекистан)

Тексты Людмилы Бакировой безыскусны, но на удивление самодостаточны и завершены, как выдох после глубокого вдоха... и принадлежат, и не принадлежат каждому из нас, ибо заведомо создавались на более долгий в сравнении с человеческой жизнью срок.

Вадим Муратханов. Поэт. Сотрудник журнала «Новая юность» (Москва)

Есть стихи, что называется, скромных достоинств. Поэзия Людмилы Бакировой, как мне кажется, обладает достоинством скромности... Она – Людмила – прикасается чутким целомудренным словом к обыденным, повседневным таинствам, дарованным каждому из нас, но далеко не всеми замеченными. Заведённые «за дома и крыши локти холодной розовой зари», ветер, несущий, «как услужливый паж, шлейф одинокой осины», «рыба, что клюет на звезду и ныряет в облака» ... Космос мгновенных, мелькнувших на миг чудес, но умеющий напоить жадный взгляд поэта, ощущаемый кожей, впитываемый каждой порой...

Лейла Шахназарова. Журналист (Узбекистан)

ТАШКЕНТСКИЕ ЗАРИСОВКИ

По асфальту проносятся мимо авто,
на обочине иней на рыжем суглинке,
среди белого дня не заметил никто,
вдоль арыка бродя по тропинке,
между гравием мелким и мокрой травой,
среди камушков скользких в коричневой тине,
на дремучем кустарнике вниз головой
стрекоза золотая висит в паутине.

ПЕЙЗАЖ

Двор, арык, айван, ограда...

След коровьего копыта

в глину вмят на тропке сада.

Курпачей тахта прикрыта,

кое-где дымят тандыры,

притаившись у дувала,

тень заштоповывает дыры

кружевного покрывала.

Меня издали приметив,

куст теряется в догадке,

не со мной ли шустрый ветер

затекает игры в прятки?

И, попав в четверостишье,

завернувшись в солнца сетку,

притворясь летучей мышью,

бурый лист вцепился в ветку.

* * *

На деревьях и охра, и кадмий, и медь,
и в пространство широкие дыры,
в них трамвай, тротуары, дувалы, мечеть,
и коптящие небо тандыры.

Светофор, магазин, за арыком кишлак,
вдоль по улочке узкой к базару
мохноногий, гнедой, длинноухий ишак
на тележке везет стеклотару.

* * *

Нет, худа без добра.
И сон бывает в руку.
Вчера ушла жара. И дождь навеял скуку.
Идет он до сих пор и пузырится в луже.
И жизнь, как коридор,
а коридор все уже.

* * *

Чуть брезжит свет, на полпути жара,
село из сна выходит, очевиден
стук в наковальню молотком с утра,
хоть мир вещей нечетко в доме виден
в столь ранний час.

В печи горят дрова,
коров доят,
а мне из всех отдушин,
углов и трещин выводить слова,
как лошадей выводят из конюшен.

В леса, за речку, за дорогу, в поле,
чтоб, приручённых, выпустить на волю.

* * *

Нас что-то сводит вопреки
уверткам, страхам, ухищрениям,
как будто время две реки
сомкнуть готово на мгновение.

Ввести в свои Париж и Рим
из сеток улиц без названия,
где мы пока что два молчания,
но вот, вот, вот заговорим...
Двойное обрета дыхание.

* * *

*Нами говорит предмет.
М. Цветаева*

В гортани дрожь
с касаньем языка согласных букв,
деление на слоги
смыканием губ.

На речь издалека –
от всех кустов, оврагов, от дороги –
пока лишь голос, вовсе не строка,
на выдох после вдоха,
а в итоге:

О чем предмет со мною говорит,
по буквам свой составлю алфавит.

* * *

Миг иль годы здесь ты не был...
Может, минули века...
Перевернутое небо – звезды, рыбы, облака.
Тротуар.
С горы – дорожка
вкруг колодца, вкруг куста,
за деревьями окошко обмелевшего пруда.
На песке чернеют бревна.
Утро тихо и светло
белым с синькою неровно побелило все село.
И тумана невод зыбок не утешил рыбака,
на звезду клевала рыба и ныряла в облака.

* * *

Летящим птицам нет числа...
В день открывало утро створки,
пока вселенная росла,
тьму выгоняя на задворки.
Еще сиял осенний свет в вещах,
предметах обихода,
уже густой кружился снег
на длинных нитях небосвода.
Трепал их ветер.
Сквозь метель людей маячили фигуры.
Я шла вдоль улиц, выбрав цель – в парк
– описать пейзаж с натуры.
Но не писалось, хоть убей,
так что ж казнить себя за это...
Купался в луже воробей.
Киоск выплевывал газеты.
Фонарь глядел из-под бровей.
Улегся снег.
Пробились звезды.
На деревьях среди ветвей
темнели птиц пустые гнезда.
И чтоб забить в стихи строку,
ворона, местность озирая,
сидела важно на суку,
внезапным карканьем пугая.

* * *

Печаль во мне.
Начать стихотворенье,
быть может, так: Пришла на юг зима,
как в стенку лбом – молчат – сопротивление –
дворы, ограды, улицы, дома.
А в сад взгляни – там побелели травы,
и у дерев, теснящихся гурьбой,
трещат под снегом хрупкие суставы,
они, деревья, заняты собой.
Быть может, там, за пеленой отвесной
(дай пищу зрению) замки, терема...
Но за окошком, изменяя местность,
свой белый кокон вьет и вьет зима.
И лишь с рассветом, ветром разутюжив
и близь, и даль, уляжется сама
в простой рефрен – пришла на юг зима...
Седое небо в застекленных лужах...

* * *

Спелые ягоды сладкой малины
горстку за горсткой срываю с куста,
нет больше ягод...
За ним – за кустом – покрывалом
палые листья, опилки, скорлупки орехов
и шкурки плода
между крыльцом в две ступеньки и
глиняным старым дувалом.
В будке дощатой на громкой
бренчащей цепи волкодав,
глазом косит и рычит, за людскою
следя во дворе суетою.
Шланг из-под шкафа в кладовке
дощатой веранды достав,
брат поливает весь двор изподкранной –
с арыка – холодной водою.
Зной целый день.
На айване под грушей корявой
в тени курпача.
Клара снимает с решетки тяжёлую
крупную гроздь винограда.
Там, где коровы пасутся и бродят
за мелким арыком по травам мыча,
к вечеру мальчик-узбек собирает их
в сытое, жвачное стадо.
А ночью на небо выходит
такая большая луна,
что тропка от лунного света
до отчего дома – в России – видна.

* * *

Ночью ветер января,
всю насквозь продув округу,
в бледном свете фонаря
ловит белых мух по кругу
и уносит далеко.
Очень холодно и сыро.
Утром крики «Ма-ля-ко»
будят сонные квартиры.
В небе снежные кули,
шустрых дворников лопаты
отдирают от земли окон желтые квадраты.
Стук в подъезде каблучка,
дом под нежный свист поземки,
как горошек из стручка,
вытрясает люд в потемки.
Кто там вышел на крыльцо? –
Все мы на одно лицо.

* * *

И ветер воет.
И скрипит доска.
В размытых красках скудость постоянства.
Рябина лишь румянится пока –
смесь простоты и робкого жеманства,
да кисть в морщинах, ягода горька...
Дни поздней осени,
и дереву тоска
стыть на ветру без пышного убранства,
но, наконец, улягутся снега,
вокруг раздвинув хмурые пространства.
И вновь с лугов вывозятся стога,
в пекарне сельской свежий запах хлеба,
под лед уходит медленно река,
и так низки в России облака,
что кажется коротким путь до неба...

* * *

И не считай своих горьких потерь.
Даты забыты и лица...
Кто там стучится в закрытую дверь,
кто там так долго стучится?
Выйду неслышно за лунный порог,
вьется пустая дорога...
Слышится вроде
«Воды бы глоток...» —
Нет никого у порога.
Только глоток...
Потеряю покой.
Кто там?
Безлюдно во мраке.
Звезды цветут над бессонной рекой,
в поле качаются маки...
Ветер бежит через скошенный луг
и пробирает до дрожи.
Кто же стучался там — враг или друг,
кто же стучался там, кто же?

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Кот сверкнет зеленым оком.
Тротуар зальет луна.
На тропу приляжет боком
сена свежего копна,
шелестя травой сухой,
среди картофельной ботвы
чучело взмахнет рукою
под зловещий крик совы.
И репейник у колоды
спрячет в тени кулачки
там, где часики заводят
друг за дружкой сверчки.
За калиткой,
за забором,
за дорожкой – три шага,
ясно видно: под горою вьется змейкою река.
Выкрик птицы в поле редкий.
В колее блестит вода,
мальчик с рыбою на ветке
в ночь исчезнет без следа.

С легкой грустью отчего-то,
под далекий стук копыт
Думать: где-то ждут кого-то,
кто-то кем-то позабыт.

* * *

Дождь.
Не выходит никто.
Ветер, поднявшийся ночью,
тащит с деревьев пальто
и рывает на клочья.
Всюду пожухла трава и занавесила лужи,
зреют простые слова
о приближении стужи...
Низко плывут облака.
Где-то стрекочут сороки...
Жизнь, хоть она коротка,
не помещается в строки.

* * *

Февраль
присутствует в набросках
азийской, муторной зимы,
снег по утрам на крышах плоских,
машины, лошади, повозки,
на переезде сквозь дымы
шлагбаум, как пунктир,
вагоны,
вниз головою в луже дом,
и кляксы черные – вороны,
вдали на дереве седом.

* * *

Скрипит по дороге телега,
и стаи летят журавлей.
Предчувствие первого снега
в безмолвии русских полей.
И есть ли судьбы неизбежность,
вдыхая – не стоит гадать –
Где сумерек робкая нежность
и светлых небес благодать.

* * *

«Пока, – мы скажем, – до свидания»,
избрав средю для обитания,
твой образ жив в моей душе,
о, сколько времени уже.

Подняв от стужи куртки ворот,
бреду я в многошумный город.
Куда? – себе ль давать отчет?
С тобой мы встретимся едва ли,
свежо. В тумане зябком дали,
день у небесных сфер в опале,
минутам свет ведет отсчет..
И взгляд скользит мой за прохожим,
так в чем-то на тебя похожим.
И мелкий снег лицо сечет.

* * *

Кто-то горько заплакал в толпе,
кто-то машет рукой на перроне,
расхватали плацкарт и купе,
жизнь трясет тебя в общем вагоне.
И в пространство летит паровоз,
промелькнут то граница, то вежа;
«А куда?» – задаешь ты вопрос,
«А куда-а?..» – откликается эхо.

* * *

Днём листву намело, но пока что не вечер,
на пригорке село топят русские печи,
рыжий пласт борозды, затвердевший снаружи,
сквозь нагие кусты отражается в луже.
То ли ветер, то ль мышь прошуршит в огороде,
дым спускается с крыш, говорят, к непогоде.
Слёзы – нет – не от дыма: по обочине дня
ты прошёл нынче мимо, не заметив меня.

СЕНОКОС

Оставив косу на лугу,
брусок в сапог за голенище,
смотрю, как тень на берегу
ползет с деревьев в лодки днище.
Увижу рыжих муравьев
на утрамбованной тропинке,
поток – он в несколько ручьев –
на холм живой несет хвоинки.

Уверюсь, что чиста вода,
принявши очертанье линий,
по форме козьего следа
среди осоки в желтой глине.

Запомню на песках седых
следы, как запись на пластинке,
на створках раковин пустых,
на две раскрытых половинки.

* * *

Все тот же ряд домов,
и озеро все то же.
Средь трех крутых холмов себе избрало ложе.
Заросший тот же пруд в кувшинках, рясках, иле —
зеркальных рыб приют и белых сонных лилий.
Все также ростом мал, колючих бед виновник,
на цыпочки привстал под соснами шиповник.
И мой вобрал сапог, пройдя весь путь в итоге,
и странствия песок,
и пыль родной дороги.
На старый, глупый пенъ
присяду, как бывало,
и вдруг пойму: не день —
полжизни миновало.

* * *

К банальной фразе
«Осень золотая»
влечет перо,
а осень далью всей
с озер, с деревьев вверх бросает стаи
тяжелых уток, галок и гусей.
Одних – на юг, других – по селам местным,
и, по дорогам сентября пыли,
клич, гомон, крик из переулков тесных
уносит ветер с шумом на поля.
Там я брожу.
И под вечерним солнцем
вдруг засмотрюсь: слетает лист густой,
как будто лес червонец за червонцем
земле небрежно платит за постой.
В нем кто-то бродит...

* * *

Январь.
Тускнеет бронзовый фонарь –
большое солнце в розовом тумане,
часы на стенке,
пухлый календарь,
пейзаж с лошадкой, запряженной в сани.
С дорогой в даль две санных полосы
бегут в полях по линии лекала.
Какая глупость – тикают часы –
твердить, что можно жизнь начать сначала.
Начни, попробуй!
В полотне зимы двory,
дома покуривают трубки,
и вроде мы, и вроде бы не мы
вновь совершаем глупые поступки.
И что мне скажет ночь под Рождество?
Украдкой дом мой покидает вечер,
и кто там смотрит в зеркало?.. Кого
там, за спиною, отражают свечи?

* * *

Лес облетел.
Он молчалив и четок.
И светел мир в предвестье зимних вьюг,
в полях почти материален звук,
он в цвет окрашен,
долго нежит слух,
и жизнь моя который раз по счету,
еще один очерчивает круг.
И зябким днем трещат дрова в печурке,
тень, выползая к ночи из угла,
собою все вокруг переплела:
то спрячется, со мной играя в жмурки,
то вдруг присядет рядом у стола,
чтоб слушать то, как крики петухи
и в даль уносят, и в мои стихи.

* * *

Не остановишь в песочных часах
дни, и недели, и годы,
Вот и цветок, индеец, зачах
в лае глухой непогоды.
И отошло...
Оскудело перо.
Грустно – ни звука, ни эха.
Да и душа – не душа, а ядро
под скорлупою ореха.

* * *

Как выкрик – разговоры,
как вызов – эта рань,
где ситцевая штора и красная герань.
Где с фотографий грустно взирает целый род,
где кистью так искусно мороз стекло черкнет.
Чу! скрипнула калитка,
колодец за углом,
тропинка, как улитка,
и этот старый дом.
Бренчит на кухне чайник.
Здесь, в избяном тепле,
кажусь себе случайней узоров на стекле.

ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ

Дощатый забор, ежевикой колючею
пыльной обвитый, рой мошек
и бабочек белых над сонным,
травую заросшим арыком,
старик в тубетейке,
рубаше хэбешной навывпуск,
блестящих калошах
сидит на скамье у калитки
с отточенным временем ликом.
Кран во дворе, и для плова котел
с многолетней лоснящейся сажей,
крупные алые розы,
с оранжевым вёдра урюком
стоят у айвана. Готовы они на продажу,
запах в дремотном, азийском,
ленивом пейзаже масла хлопкового
с жареным луком.
Лоза винограда – свистит
залихватская бойкая птаха –
свисает с решеток у двери,
распахнутой настезь, у окон
(лоза, а не птаха).
Тутовник, похожий на кокон,
вдали на жаровне за сорок по воле Аллаха.

Я, может, уеду, ведь все уезжают от краха
надежд. Без иллюзий,
лишь ждут подходящего срока,
зимы или лета, какого-то тайного знака,
хорошей погоды.
Попутного ветра с Востока...

* * *

Желтый лист отлетел от куста,
над водою блестящей, как масло,
засветилась на небе звезда,
засветилась и снова погасла.
И подула дождливая хмарь.
Серый сумрак.
Хандра.
Неизвестность.
Под унылою шляпой фонарь
озирает угрюмую местность.

* * *

Беда ли твоя, иль вина...
Ты долгие годы здесь не был.
На взгорье песчаном сосна,
как перст, упирается в небо.
Дощатый забытый забор...
Как пахнет в траве земляника,
шиповник, цветущий в упор,
посмотрит печально и дико.
И белое солнце, слепя,
сверкнет, полыхнув сквозь ресницы,
и, кажется, нет здесь тебя —
лишь травы,
деревья,
и птицы.

* * *

По половицам босиком
прошла из сеней в избу боком,
тянуло резко сквозняком
из щели двери в щели окон.
Казалось, комната пуста,
белели сумрачные лица,
на полотенце из холста
сидели вышитые птицы.
Звенела песенка сверчка,
на кухне кот мяукал тощий,
воды студеной из бачка
я набрала тяжелый ковшик.
Дрожала смуглая рука,
стучали капли об пол веско,
и подсиненная слегка
чуть-чуть качалась занавеска.
Вдруг зазвенело под столом,
ты наклонился: что там, где там?
Упала решкой, не орлом,
на деревянный пол монета.
Вздохнула, вышла на порог,
ступила за ворота...

До поворота сто дорог –
и сто от поворота.

* * *

Дом бревенчатый.
Герань.
Шторы узкие из ситца.
Брезжит чуть. В такую рань
спать бы, спать, да вот не спится.
Запах теста, кваса дух.
Что наделала ты, дура?
Во дворе орет петух
и кудахчет кура.
Да и твой ли это дом?
Наяву ты бредишь...
А колодец за углом
все скрипит: «Уедешь».

* * *

Ветер тащит поземку с реки,
холм качает деревья на склоне.
Нет! Моей здесь не будет ноги,
не коснется калитка ладони.
Тень мою не отыщет крыльцо,
дверь не встретит, как старого друга...
И твое золотое кольцо
оброню – забирай его, вьюга.

* * *

Шумны и роскошны дворы.
Там – свадеб веселое время,
там – яблоч тугие шары
и листьев тяжелое бремя.
Над пыльной решеткой оград
под сводами клена и ивы
снимают тугой виноград
и синюю оттепель сливы.
И персики с веток летят,
и вдруг, замечая потери,
однажды встревоженный сад
стучит в мои окна и двери.

* * *

Под вечер луг весь ливнями зарос,
вступая с рыжей глиной в поединок,
вода ручьем стекает под откос,
качая в речке чашечки кувшинок.
Всего на час.
И, выжав облака,
гроза урчит, устав от монолога,
и кажется пустынной строка,
как средь холмов размытая дорога.

* * *

Вот так опустишь до земли,
щекою прижмись к ней:
травинки-деревья,
медведи-шмели;
паук в золотистой корзинке
в густые свои кружева
поймал непутевую муху,
а та ни жива, ни мертва,
гудит и надсадно, и глухо.
Седой одуванчик в усы
душистой клубники укутан,
прикрытый от капли росы
лиловым вьюнком-парашютом.
Витает над травами пух,
не знаю, какого растения,
и всюду малиновый дух,
и время плодов и цветения.
И жилоч тончайшая сеть
на листьях,
просвеченных тонко.
Вот так бы смотреть и смотреть
большими глазами ребенка.

* * *

Растает туман у порога,
угонят за речку стада.
Над белой пустынной дорогой
сверкнёт и погаснет звезда.
Легко всколыхнется осока,
охотник пройдет не спеша,
печально и одиноко
на звук отзовется душа.
Ромашка,
вьюнок,
медуница,
рябинная прорезь листа...
Кукушка – не вещая птица,
считает, считает лета.

* * *

Приручал, да все без толка,
тебе ясно самому.
Не прикармливал бы волка,
воля вольная ему.
В окнах
огненная роза –
предзакатные лучи.
Побелев, вошла с мороза,
отдала тебе ключи.
Все, что склеили, разбилось,
не собрать нам черепков,
тяжела моя немилость.
Тяжелей твоих оков.

* * *

А снег идет.
Среди деревьев стылых
фонарь углами вырезает тьму.
А снег идет.
И я забыть не в силах
тот путь по снегу к дому твоему.

ДОЧЕРИ ЛЕНЕ

С утра спешим – полно в дому забот...
Стираем, гладим, моем окна, рамы.
А позже дочь в альбоме создает
принцесс и принцев, лес и старый замок.
Царевну-лебедь вывел карандаш
(дитя мое с фантазией, однако).
А за окном расплывчатый пейзаж,
там дождь идет, там женщина с собакой.
И никого-то больше во дворе,
и никого-то по дворам окрестным,
лишь эти двое веселы в игре,
им это утро кажется чудесным.
А дождь поит озябшую траву,
за трое суток все вокруг намокло,
и мысль мелькнет: а так ли я живу,
не вижу ль мир давным-давно сквозь стекла?

* * *

Погасла на небе звезда.
Холодный ветер.
Бездорожье.
И в днях, летящих в никуда,
забыты заповеди Божьи.
И тяжек долг.
Любовь слепа.
Корысть крадется за любовью,
наглеет власть.
Молчит толпа.
Распятый Бог сочится кровью...

ДОЖДЬ

Дождь в провисшем над крышами сите,
морозящий на город с утра,
все печальней, туманней, размытей,
в опустевшем колодце двора.
Птичьих гнезд на деревьях корзинки,
у решетки в саду борозда,
одуванчиков нежные спинки
под мохнатую лапкой куста.
И уже лишь одни очертанья,
колыхаясь, мерцают дрожа...
То ли в душу вошло мироздание,
то ли в нем растворилась душа?

* * *

Да хоть бы так – колдуньей будь я,
куда идти, о чем гадать?

Стою, как столб, на перепутье,
темно.

Дороги не видать.

И ни следа, ни поворота,
лишь там горит еще звезда,
где в отчий дом свои ворота
закрыло детство навсегда.

* * *

Давно ли был пышным пейзаж?

Ты вспомни такую картину:

услужливый ветер, как паж,
нес шлейф одинокой осины.

А нынче погоды не жди,
так пасмурно – вот незадача,
протяжнее стали дожди,
случайнее стали удачи.

И лист на дорогу упал,
коричневым стал подорожник,
как будто пейзаж рисовал
какой-то печальный художник.

* * *

Что орете, петухи?
Я не сплю давно,
в тумане
подкосила лопухи
в огороде и у бани.
И пока в траве роса,
подкосить бы под кустами,
да сломается коса,
острием задев за камень.
И заплачу горько, зло,
только не на кого злиться...
Под рукой в груди дупло:
улетела моя птица...

* * *

Хоть предоставь мне кров,
я тот еще орешек:
твоих холодных слов,
упреков и насмешек
неужто крест нести,
глядеть-гадать на воду?
Уж лучше прочь уйти
в метель и непогоду.

* * *

Ночь. Бессонница. Луна.
Душу мучает вина.
Днем была не больше мухи.
Ночью выросла в слона.

* * *

Катались в масленицу с горки,
совсем не чуяла беды,
а нынче выхожу с ведерком
набрать колодезной воды.

И вижу: милый на крылечко
чужое протоптал следы,
со мною плакали за речкой
две в белом инее звезды.

Ну что ж, дружочек, до свидания,
переживется как-нибудь,
не жди, не выйду на свидание,
в мой дом дорожку позабудь.

* * *

Вымел сор из избы и слова
где-то, как-то сказал по секрету,
и растет, вырастает молва,
и гуляет по белому свету.
Не у дятла болит голова,
что идет за тобою молва.

СНЕГ

А давно ль бутоны розы
звали пить нектар пчелу?
Ну, а нынче рифмой к «розы»
не мудрю – пишу: «В морозы
леденистые стрекозы льнут
к оконному стеклу».
С крыш висят сосулек слитки,
серебрят кристаллы льда,
у заснеженной калитки зонт заснеженный куста.
И, приняв как неизбежность
холод дерева, душа
излучает робко нежность
в снег, летящий не спеша.
На фонарь, открывший око
недалеко от меня.

Отчего так одиноко,
грустно так на склоне дня?

* * *

Перегорело.
Забыто.
Размыто.
Перебродило хмельное вино.
Память худая – дырявое сито:
то, что крупнее, осело на дно.
Серенький домик там виден поныне.
В доме том с трещиной в раме стекло,
а за стеклом, и лиловым и синим,
что-то так долго в то лето цвело.

ОСЕНЬ

Рассвет морозцем на прохожих дышит,
нежнее улиц бледных фонари
от заведённых за сады и крыши
локтей холодных розовой зари.
В листве опавшей, брошенной дворам,
крупницы снега,
под моей ладонью
бегут в пространство строки,
по утрам
все чаще слышно карканье воронье.

ДОЧЕРИ ОЛЕ

Закроем на зиму окно, ведь стужа, в самом деле,
и поролоном заодно законопатим щели.

Пусть вьюга ходит во дворах и воет по округе,
пусть дом качает на ветрах – мы не боимся вьюги.

Пусть снег кружится за окном, возьмем во двор салазки,
мультфильм посмотрим перед сном и читаем сказки.

* * *

Осень.

Неприбранный двор,
редкие капли с небес,
сад опустевший,
костер с дымом тяжелым на вес,
ветер чихает в золу,
ежиком хмурым трава,
сядешь на кухне к столу –
кругом идет голова,
быть упирается в быт,
слышишь чеканные слоги,
в цокоте конских копыт по барабану дороги.

* * *

С благою целью всматриваться, чтобы
тебя не просто занесло в чащобы,
а в ясный мир и света и добра,
где даст-то Бог изведать сладость пробы,
что называют пробую пера.

И у цветов сиреневых и белых,
лиловых, красных, у стеблей репья,
и у плодов румяных, сочных, спелых
вкус отбирать, и дальше за пределы –
открыть иные бездны и края.

А жить бы, суть иную обретая,
смотреть на землю, в небе не витая:
вот дом обычный, дворик, поле, сад...

И дни в делах насущных коротая,
конечный зримый видеть результат.

Так нет – иное!

Ножниц расхождение:

быт, бытие и плод воображения,
меж ними крупно пролегла межа,
ты сам по кругу в плоскости скольжения,
и в плоскость круга втиснута душа.

И кто там свыше, сей удел назначив,
он не сулит ни славы, ни удачи,
но надобно ему тебя томить.

Да и в себе нелёгкая задача:
стихи порой от любопытных пряча,
душой своею тешить и кормить.

* * *

Со стаей птиц, летящих в небе клином,
с людьми, домами, кошками, афишами,
газет киоском, хлебным магазином
и желтым солнцем, выдутым над крышами,
весь переулочек к горизонту скошен,
зовет к себе.

Шагну на пол со стула я
и выведу себя за дверь, как лошадь,
не просто так до вечера выгуливать:
учиться шагу до ночной звезды,
чтоб не испортить после борозды.

* * *

Кто там, кто стучится в сени?
Дверь открою – чей-то след
у крыльца и на ступени,
и вокруг истоптан снег.
И пойду по снегу ходко,
выйду к лесу на реку –
никого.
Чернеет лодка
там, на дальнем берегу.

НА ДАЧЕ

Урюк желтея
клонит ветки
на угол старого айвана.
Собака лает у соседки.
Вода в саду течет из крана.

Горячий полдень утки топчут,
доска качается в арыке,
на всю округу кура квохчет
в кустах дремучей ежевики.

Веранда прячется за шторой,
в саду близ гравийной дорожки
стол накрывают, под который
со всех сторон крадутся кошки.

НАТЮРМОРТ

Хотите, напишу вам натюрморт?
Вот тазик с грушами,
вот несколько айвовых
плодов на грушах, яблоко апорт,
лимоны сверху цвета золотого
в пупырышках, под формою ладьи
в них сочная янтарная прохлада,
газета рядом – буковки статьи –
прогнутых гранок строгость и порядок.
Зеленым с охрой нанесу штрихи
на яблоко в неясных точках сбоку,
головку лука с горсткой шелухи
и персики, насыщенные соком.
И скатерть в клетку, а на ней графин
с домашним квасом, с капельками влаги,
в узорах чайник, глиняный кувшин и
белый лист нетронутой бумаги.

Ну, вот и все! Закончен натюрморт,
он весь вошел в мое стихотворенье.
Съем золотое яблоко апорт
и на зиму из груш сварю варенье.

Вот и осень пришла.
В серых сумерках дня
вянет роза одна у кирпичной стены.

Вот и куст облетел.
И деревья клоня,
ветер дует, неясно, с какой стороны.
Вот и друг мой ушел,
упрекая меня,
но не чувствую я за собою вины.

ПАМЯТИ ОТЦА

Качает ветер камыши,
охапки сена рвет из стога,
Чуть-чуть покрапают дожди,
и станет в крапинках дорога.
К земле прижмутся лопухи,
осеребренные от влаги,
туман сползет в кусты ольхи,
оставив прядь одну в овраге.
Дрожит подсолнух у крыльца,
кусты под солнцем сушат сети,
и странно как-то: нет отца
нигде, нигде на этом свете.

Белеет церковь на горе,
косцы тропой бредут в покосы...
На наковальне во дворе –
там – отбивает мама косы.

* * *

Что рождает в сердце смуту? –
Не понять людей вовек:
сам себе через минуту
незнакомый человек.

То вдруг ищешь день вчерашний,
то клянешь проклятый быт,
чьей-то просьбой ошарашен,
чьей-то болью с толку сбит.

Дни мелькают в круговерти,
утекают, как вода,
смерть страшна,
страшнее смерти
чувство жгучее стыда.

* * *

Ветер, запахом снега наполнив жилье,
палый лист со двора выметая,
на веревке трясет и швыряет белье,
словно птиц перепуганных стаю.

И душа колобродит погоде под стать,
и в туманных слезах из-под века,
ночь глядит за фонарь, где почти не видать
уходящего вдаль человека.

ПРОЩАЙ

И теперь, когда скажем друг другу
«Пока, ну, пока, до свиданья»
при подходе к подъезду,
где лампочка светится куце,
я-то знаю,
что нет для нас общей среды обитанья
и что рук твоих руки мои
никогда не коснутся.

И теперь, когда стынет
в коробках застуженный город,
этот день у Всевышнего
вроде бы нынче в опале,
потому как и воздух
колючками снега распорот,
и в прорехи видать
неуютные, зябкие дали.

И теперь, когда взгляд мой цепляет
случайных прохожих,
то походку, то жест,
то движенье в себе обозначив,
хоть чуть-чуть на тебя,
хоть немножечко в чем-то похожих,
в многошумной толпе
я глазами сухими заплачу.

И теперь, когда птиц шелухой семян
в поднебесье уносит
и туман по кустарнику
стелется ниже и ниже,
я-то знаю, тебя где-то прячет
глубокая поздняя осень,
я-то знаю, тебя никогда,
никогда не увижу.

* * *

Ты до самого доньшка видишь меня,
и в тебе я свое нахожу отражение,
чуя каждую клеточкой тела – родня
по законам своим притяжения.

Да, хоть воздухом с кем-то единым дыши
и вставай хоть на лоб, хоть на брови...
Но родство узнаешь по движенью души,
не по крови, совсем, не по крови...

* * *

Улица, ночь и, конечно, аптека,
мимо пройду – в темноте – человека,
рядом фонарь, но не видно лица,
вот он, тот дом и ступеньки крыльца,

черточкой света очерчена дверь,
чуть приоткрыта,
но ты ей не верь.

* * *

Все-то теряешь: монеты,
записки, браслеты,
ключик повесишь на гвоздь,
а находишь случайно в кармане,
сам себя ищешь, в испуге аукаешь «где ты?»,
и не в лесу, не в глухом и крошечном тумане,
а на свету, повторяя движенья по кругу,
друга покинешь и вновь возвращаешься к другу.

То-то оно – опускаешь задумчиво веки,
дважды входя в те же самые реки.

* * *

За словом не послать гонца,
не служат дважды в день обедню,
речь не дослушав до конца,
тебя прерву я, собеседник.
И вот в сознании пробел,
и на душе вины заплатка,
и так мучительна загадка:
а он-то что сказать хотел?

* * *

Тень полосатая липнет к забору,
брюхом по крышам ползут облака,
лошадь с телегою тащится в гору,
под непечатную брань мужика.

Розовый вечер.
Плакучая ива.
Шелест в дрожащей воде камыша,
птица кричит и кричит сиротливо,
словно рыдает больная душа.

Котел, кастрюля, сковородка, сито –
всю эту мелочь, все предметы быта
ввести в строку, а дальше за строкой
все тот же быт, все тот же непокой.
Покой, увы, он может только сниться.
В саду на ветку розы шмель садится
и вновь взлетает.

Пыль летит с крыльца,
и даль видна без края и конца...

Пойти туда бы – страшно заблудиться.

* * *

От двери дома – за порог,
за тротуар, за остановку,
через бурьян, не чуя ног,
сменить скорее обстановку.
И оттолкнуться налегке
от берега, сбежать к парому
и плыть по солнечной реке,
чтоб к берегу пристать другому.

* * *

Не спится что-то спозаранку.
свое бывшее вороша,
в рог, в ком, в клубок, в крючок, в баранку
сжимаясь, бедная душа,
куда не глянет – все крутое,
качает, гнет свои права,
и что ей делать с простотою,
что хуже даже воровства?

* * *

Кустов одежды мокнут на земле,
к глухим ненастьям мысли приурочены,
и так хочу идти по колее —
куда-то ветром сносит на обочины.

* * *

Вот этот путь мой из варягов в греки,
он пройден был в каком не помню веке,
о нем лишь знают древние руины,
а ныне путь заказан мне в Афины.
А там, с пригорка, там, где ты стоишь,
не виден Рим и не видать Париж,
так плотен дым отечества...
Как стриж,
ныряет ветер в глубину деревьев,
ах, в глушь бы, в тишь,
смотреть бы из деревни,
как осень птичьи тормошит кочевья
да по ночам скребется где-то мышь.

* * *

Ветер, душу мою беря,
о стекло разбиваясь с разбега,
тащит зябкие капли дождя
на крупинках колючего снега.

И в слезах, отражаясь в трюмо,
к законному миру в придачу,
от родных я читая письмо,
вспоминая о Родине, плачу.

И, взглянув на соседний кишлак,
за окном, над полоской тумана,
я сожму свою волю в кулак
и умоюсь водой из-под крана.

* * *

А что до свободы? –
Недели бы на две куда-то
уехать из дома.
Пока невозможно,
об этом не может быть речи.
Выйду –
пространство царапает сверху солома
из капель замерзших,
и осень похожа на пасмурный вечер,
где листопад проверяет
на вкрадчивость собственный голос,
вот оно, поле, ни от кого здесь
зависим ты, кажется, не был.
Ладонью качнуть одинокий
колюче-взъерошенный колос,
между землею притихшей
и низким задумчивым небом,
зачем-то подумав: а надо ли эту свободу
в холод собачий и через край непогоду?

Где даль на замесе из мелких колючек густа,
и скучны для глаза знакомые эти места.

* * *

В саду пустынном нежно вянут розы,
и на зиму унылые прогнозы
с горы доносит холодно и сухо
осенний ветер,
близь метро старуха
ждет подаюня,
каверзная муха
з-з-зудит над ухом, вечера черед,
гулять выходит молодой народ.
Кафе бомбит шумами тишину,
пашлычным дымом обмотав луну.

* * *

Июль, жаровня, тарахтят колеса,
гудят машины, подвывают псы.
Будильник смотрит циферблатом косо
и в шесть дрожит – жужжание осы,
полет шмеля.
Сквозняк прихлопнул дверью,
пыль восседает на обложках книг,
в нутро подушки загоня перья,
латает дырку в зеркале двойник.
На кухне чад.
Дымится борщ в кастрюле,
гнев изливает чайник на плиту,
ждут варки фрукты в тазике на стуле...
от кислых слив оскомины во рту.

* * *

Средь кухонной утвари вдруг
забываюсь на миг в монологе,
дождь за окном мельтешит,
промежутками капает целые сутки,
в свежей газете газетные плавают утки
и в дождь уплывают.

В конечном итоге
быт восстает и играет
не очень-то добрые шутки.

Суп выкипает.

Сердито бормочет кастрюля,
чайник со дна собирает под паром остатки,
тесто ползет через край
из ведерка на стуле,
дождь все идет.

По прогнозу опять обещают осадки.

Странно для лета,
где дни продвигаются
к знойному пеклу июля.

На зиму овощи с травкой
в стерильные банки
кладу для закатки,
да не забыть бы и шторку
на кухне к карнизу повесить из тюля.
Но замечаю, что каждый предмет
в пасмурный день обретает свой цвет.

* * *

Откроешь двери – снег заносит пухом
подъезда в глубь,
надолго он, по слухам.
Он прячет краски, поглощает звуки,
и время – скучно было бы оно,
когда б не снег, – и умирать от скуки
я не хочу, и мне не суждено.
Смотрю: деревья кучками и врозь,
как будто бы пронизаны насквозь
вечерним светом.
В сумерках дворы,
и слышен лай собак и крики детворы.
И чей-то кот летит на легких лапках
среди домов в пушистых белых шапках.

И если даже не взойдет луна,
Без фонаря вселенная видна.

* * *

Узор роняет дерево Востока,
за домом листья жгут на пустыре,
то дождь, то снег, то слякоти морока,
что часто так бывает в ноябре.

И кверху решкой падают монеты,
покоя нет от чьих-то пересуд,
учесть бы надо: не давать советы
там, где их вовсе от тебя не ждут.

* * *

Стоит роман на книжной полке – Маркеса,
Сто лет в обложке, нет – под обложкой
Пряча одиночество,
В возне мышиною, с суетой, с запарками
Его прочесть как будто снова хочется.
За частоколом дней пытаюсь где-то спрятаться,
На миг себя почувствовав отшельником,
Из четверга однажды юркнув в пятницу,
Ее случайно спутать с понедельником.
Что из того?
Не холодно не жарко мне,
Дела дневные закруглив свои,
Достать на вечер с книжной полки Маркеса,
Сесть под настольной лампой в кресло и ...

* * *

Мимо хожу и не знаю я – кто ж Вы?
С трудом от земли отрываю подошвы,
в горле пустыня, глиняный ком,
сам обжигашь себя кипятком.

Все перемелется.

Памяти крохи
в целое слепишь. Возьмешь карандаш –
вновь машинально рисуется профиль,
черточкой каждой похожий на Ваш.

ПТИЧЬЕ

Оттепель в полдень – сплошная морока,
плачут сосульками в слякоть дома,
фрак запахнет поплотнее сорока,
майна взъерошится,
снова зима
тянет в пространстве суровые нитки,
холодом в лестничный дует проем,
буду стоять у дощатой калитки,
думать и думать о чем-то своем.
Люди угрюмые черными галками
мимо пройдут с похорон...
Над городскими забитыми свалками
карканье сытых ворон.

ЛЕТНИЙ ТУМАН

На небе утром подоят коров
и невзначай опрокинут подойник,
плавают крыши, кустарники, ров,
в каплях расплывчатых мой подоконник,
все заливает: деревья и дом,
алые кустики в окнах – герани.
выйду в пространство – молочно кругом,
думаю, но не скажу я, о ком,
где-то на ощупь, а где-то шажком
буду бродить, словно ёжик в тумане.

* * *

Пойти ловить бы бабочек на хутор,
ладони греть от розовой зари,
но в голове как будто бы компьютер,
он чем-то часто щелкает внутри,
когда его к людской подключишь сети.
Так помолчи и поудобней сядь:

Есть много, друг Горацио, на свете
Того, о чем он может рассказать.

* * *

Шаг за порог.
Отошли разговоры.
И на вопрос под вопросом ответ.
Может быть, где-то есть точка опоры,
может, вообще ее нет.
Словно мгновенные кадры из клипа,
мысли мелькают, заводят в тупик,
вдруг замечаешь: до доньшка выпит
осенью теплой арык.
Ветер твой вздох в подворотни уносит,
в листьев скребущую жесть,
можно прожить, не задуматься вовсе,
можно подумать: а кто же ты есть?
Где тебя носит судьба по орбите,
каждый быстрее виток,
сверчены, сцеплены, скручены нити,
и не распутать клубок.

* * *

О, как под платье нижнюю сорочку,
любовь запрятать, чтоб ни шов, ни строчку
не мог заметить посторонний глаз...
Там нет ума, где чувства напоказ.

Совет неплох любому, но, увы,
в любви не слышит сердце головы.

* * *

Да куда же идти?
Где куда повернуть?
То коряга, то сук,
то комок заползает под ногу,
но находишь свой дом,
можно глубже вздохнуть,
в добрый час помолиться бы
надобно Богу.

И бродить, и гулять
до вечерней колючей звезды,
в память глядя свою,
как на воды в глубинах колодца,
куда бросят ведро...
Кто там видим пока что
под рябью воды,
с кем-то вовсе невидимым
связь навсегда оборвется.

* * *

Гул машин на дорогах и цокот былинных подков,
воздух рвет от горошин летящего в дали мопеда,
в этой крепкой деревне ищи – не сыскать дураков,
если нужен плевок, то сосед переплюнет соседа.

Мы по клюкву идем, за плечами несем кузовки,
так, как образно сказано – летом готовим салазки,
на болотной траве погружаются в хлябь сапоги,
у болотных цветов так обманчивы нежные глазки.

* * *

Что нагадают тебе зеркала?
В комнате той, где четыре угла,
вяжешь себе из дремучей тоски
джерперы, шапки, перчатки, носки,
улицу вяжешь, деревья, забор,
поле, дорогу, киоск, светофор.
Образ на миг отпечатан в мозгу,
черная птица на белом снегу,
кошку не видит и зерна клюет...

Не попадайся в такой переплет.

* * *

А дождь не ко двору.
Нет солнца из-за туч,
смотри (чего хандрить?) в небесные прорехи,
на крыши, на траву, но ты себя не мучь,
пока в твоей строке изьяны и огрехи,
поскольку сам ядро. От чьих-то спрячешь глаз
во тьму свое нутро, ни отзвука, ни эха
на голос нет и нет, но поджидаешь час —
проклюнутся на свет сквозь скорлупу ореха.

* * *

Вышить бы розы стихами
на бледной тумана канве,
но тараканы снуют и снуют в голове,
где-то внутри обрывается
тонкая зябкая нить,
боль на разрыве,
и некого в этом винить.
Может быть, мебель расставить
в дому по фен-шу...
вряд ли поможет...
Скелеты закрыты в шкафу.

* * *

Я открыла ночью сонник:
что в нем значит драка псов?
Дождь стучал о подоконник
в ритме комнатных часов.
Дождь стучал,
дрожала рама,
под дождливою зимой
на снегу стояла мама,
рядом с мамой ангел мой.

* * *

Словам со мной играть забавно в прятки,
то прыгнут в ров, то заползут в овраг,
то среди кустов залягут в беспорядке,
я отыскать их не могу никак.

Сверну с дороги, прилипают камни,
земля к подошвам тяжелее гирь,
иду, бреду – неведомо куда мне,
но мне не нужен вовсе поводырь.

* * *

То пчелкой тружусь,
то на бежевой рубчатой ткани дивана
лежа читаю, что вредно,
особенно вредно для слабого зрения,
дни-близнецы друг на дружку похожи,
как братья Ивана,
вспомни – у Бродского было такое сравнение.

Вечером поздним – ночная сова –
мельтешу у цветного экрана,
кто там и с кем там, –
сбиваюсь с киношного курса я,
ну а во сне отправляюсь
в далекие разные страны,
в прошлую ночь заблудилась
на узенькой улочке Турции.

ЛЕТОМ

Теплого берега лодка коснется,
на гору влезет кустарник густой,
на коромысло возьмет у колодца
бабка соседская ведра с водой.

Мама на грядках с коричневой лейкой,
в воздух стреляет горохом стручок,
там, где червя под дощатой скамейкой
видит в земле петушиный зрачок.

* * *

Спешу.
Хватаю взглядом на бегу
в плену дворов глухих многоэтажек,
в пространстве зябком, сотканном из пряжи
волокон тонких, мокнущих в снегу,
в слезах кустарник, на коре труху
в слоновьих складках дерева, и даже
забор кривой, лежащий на боку...

И жаль, себя не чувствую в пейзаже.

ПАМЯТИ ОТЦА

В одеждах черных мама на крылечке,
на сорок дней пирог томится в печке,
в виски стучат настенные часы,
и день умерший, отпевая вечер,
как на поминках, ставит в небе свечи,
и в горле ком от черной полосы.
В ней полотенца растворяет мгла,
под ними прячут в доме зеркала.

* * *

На деревьях до рассвета
(ты послушай) среди ветвей,
как поет пичужка эта —
Джона Китса соловей.
Под луной недвижны тени:
арка, плющ, фонтан, крыльцо,
холод мраморной ступени, —
вечность дует мне в лицо.

И светлеет дом кирпичный,
в нем распахнуто окно,
век другой, но так привычно
солнцем все озарено:
сад, дощатая скамейка,
куст росистый, облака...
И, как сказано у Блейка,
«Небо в чашечке цветка».

* * *

Поддаться на уговор, а после и худо, и лихо,
а после к чему разговор,
когда не находится выход?
А что до покоя, увы,
а только твоя лишь забота,
коль нет на плечах головы,
винить в своих бедах кого-то
нет смысла. На просьбы иные в ответ
умей говорить своё твёрдое «нет».

* * *

В комья смерзнется мягкая глина,
тонкий иней блеснет на стерне,
вроде в поле крестом крестовина
померещится в лунном окне.

Вроде берега узкая кромка,
присмотрись-ка: в близи и вдали,
вроде шалая мчится поземка,
ни небес не видать, ни земли.

* * *

А если будут вместе сведены
упрямства дух и слабости уступки,
и чувство в чем-то собственной вины,
и все мои огрехи, и проступки, —

Всё, всё, чем разной мелочью полны
часы, набью житейскую котомку
и, на себя взглянув со стороны,
окликну вряд ли эту незнакомку.

Но вот вопрос: а так ли я точна? —
ведь есть еще другая сторона.

* * *

Во мне таится множество людей:
друзей, родных и близких, и детей.

И между кухней, потолком и залом
стою большим числом под радикалом.

Из-под него – сейчас об этом речь –
никак себя я не могу извлечь.

* * *

А кто здесь жил, уехал кто куда,
и тут и там снуют туда-сюда
чужие люди из дворов соседних,
и, погружаясь в будни, в суету,
поговорить бы с кем начистоту,
мне так, признаться, нужен собеседник.

Из дома выйду, огляжусь с крыльца –
ни одного знакомого лица.

* * *

Песок в песочных движется часах,
то цвел цветок, то в холоде зачах,
вновь в зной цветет и прячется под тень,
так день и ночь, так снова ночь и день.
На раз... один... число опора – два,
а время крутит, крутит жернова,
от дня рожденья начиная счет
на да, на нет,
на нечет и на чет.

ОБЫДЕННОЕ

Утро

Раннее утро.
Зевнув, просыпается медленно двор.
Там, где шашлычные,
можно на воздух повесить топор.
Дворник метлой шебуршит
по асфальту – шир-быр,
(образно) белый халат на колесиках
катит к арыку тандыр.

Полдень

К полудню в комнату солнце глядит
из-за тюлевых штор,
как ты в ней штопаешь,
гладишь и чистишь от пыли ковер.
В чайник набрав изподкранной,
холодной воды,
дав отстояться,
в горшках поливаешь цветы.

Вечер

К вечеру сходишь, не важно за чем,
в угловой магазин
и остаешься с собою один на один.
Сам для себя открываешь себя, как футляр,
под свет фонарей и мелькание в сумерках фар.

Ночь

Как одеяло с кровати, с округи сползает жара,
в ночь полнолуныя не можешь уснуть до утра.

Утро

См. начало.

* * *

Жизнь куда-то летит. «От и до» бытие.
Что там далее, ведомо свыше:
то ли явь, то ли сон, то ль на миг забытьё
под луною и плоскою крышей.

Вроде шелест дерев, вроде скрипы телег,
вроде на небе тучи провисли.
Брезжит робкий рассвет. Первый выпавший снег.
Неуютные, странные мысли.

* * *

Из слов твоих растет глухой забор,
и потому, хотя расставляю точки,
он не закончен, этот разговор,
что звенья мы невидимой цепочки.

То вдруг зигзаг, то куст, то поворот,
иду вслепую, ничего не вижу,
и вдруг, да, вдруг кого-то в свой черед
своей обидой невзначай обижу.

* * *

Выпить бы, что ли, микстуры, таблетки –
что-то никак в эту ночь не уснуть,
как зверь, холодильник рычит
за стеной у соседки,
месяц блестит сквозь небесную муть.
ветер дичает в испуганной шторе,
что-то ищу и никак не найду,
с другом когда-то расстались мы в ссоре...
«Умер, – сказали мне, – в прошлом году».

* * *

Готовят к сушке на зиму грибы,
на противнях обабки и маслята,
и топят печь,
над крышей из трубы
кирпичной
серой клочковатой ватой
дым лезет вверх,
Обыденный маршрут
туда-сюда. Из деревянной кадки
под вечер воду лейками берут
и поливают в огороде грядки.

В селе орут, горланят петухи,
и на хвостах сороки носят слухи,
а мне б писать хорошие стихи,
когда б не зной, да пыль,
да комары, да мухи.

* * *

Да что могу, скажи, о ближнем знать я,
чья совесть прячет ложь свою под платье,
а под лицом коварную личину?
Он, может, рядом, затаив проклятья,
готов при встрече заключить в объятия,
а острый нож в мою нацелен спину.

* * *

Короче дни становятся.
Дворы
уходят в сумрак,
подбираясь к дому,
лохматый ветер, попинав костры,
из скирд горстями дергая солому,
по полю бродит,
из лесу туман
крадется к речке, оглядев округу,
и в небесах крикливый караван
гусей
плывет и проплывает к югу.

Чертя, пока селенье видит сны,
цепочкой черной желтый круг луны.

* * *

Дождь слепой, и почти незаметен,
сеет ласково сквозь облака,
целый день у него на примете
огороды, сады и луга.
И шурша, пробираясь украдкой
по малиннику пыльному вниз,
в каплях крупных, прозрачных над грядкой
он на ягодах алых повис.
И ушел.
Перепачкавшись в глине,
у дощатого – в луже – плетня
собирает в пригоршни малину,
прибежавшая в сад ребятня.

* * *

Как дует резко холодом извне,
быть может, наяву, а, может быть, во сне,
идешь туда, глаза глядят куда,
такая темень, жутко без сноровки:
ни фонарей, ни звезд, ни остановки,
и здесь давно не ходят поезда.
Так где же ты рассудку вопреки? –
Куда не глянь, повсюду тупики,
но ты не стой на месте, в самом деле,
тебе укажут выход сквозняки,
и сердцу в такт печатаешь шаги,
увидев дальний свет в конце тоннеля.

* * *

Соединение молекул, солей, металлов, H_2O ,
ну что же в этом человеке
мое волнует естество?
Я чую вас умом и сердцем и пью,
как терпкое вино,
люблю язык Ваш острый с перцем,
со всею сутью заодно.
Мне Вас бы скушать за обедом,
на завтрак, ужин – все одно,
но назначенье людоедом
мне свыше не было дано.
И видит Бог, совсем не каюсь,
но чтоб не выведал никто,
я Вами тайно упиваюсь,
быть может, за день раз по сто.

* * *

А ты – дремучий лес,
да тоже не из лыка я,
во мне какой-то бес
сидит, во тьме хихикая.

Ну, что ж, «хи-хи» не грех
к словам твоим – обозам,
но почему-то смех
вдруг переходит в слезы.

* * *

Луна в осеннем небе гаснет,
на мокрых лапках бродит дождь,
в дыханье ветра звуки гласных
мне больше слушать неvertepeж.

Под заунывный вой собаки
во тьме кромешной, словно йод,
как будто кто-то там во мраке,
рассвета берег не найдет.

* * *

Живем, спешим, и он, и ты, и я.
Куда спешим, лишь знает кто-то свыше,
коль там он есть.

Частицу бытия уносит миг,
звериного чутья давно в нас нет,
стоят на плоской крыше
антенны в ряд, над скрипами телег,
ползущих в вечность, облака провисли,
и страхом страха болен человек,
одной из фобий, первый робкий снег
врачуеет душу вроде бы,

но мысли...

ПОЮЩИЙ СВЕТ

Поющим птицам нот не занимать,
свистят, щебечут в дереве на склоне,
поет в пространство насекомых рать,
поющий свет на лепестках в бутоне.

Все, все поет.

Так время зря не трать:
в кустах, лугах, на крыше, на балконе,
лови его
и, удержав в ладони,
перенеси в открытую тетрадь.

С пером в руке. Убрав в стихах длинноты,
строка к строке, как пчелы лепят соты.

ПАМЯТЬ

И по ступенькам вверх на чердаки
осенний ветер тащит сквозняки
из щелей в щели и велюром пыль
сдувает на пол, обнажив утиль:
комод дощатый, кресло и костыль,
и в жесть сундук окованный, в котором
льняные ткани с вытканым узором,
холсты, кисет, овчина полушубка,
платочки, кофты, бабушкина юбка –
иных времен и линия, и стиль.
И в бледных стеклах, в плоскости овала,
в рожках, витках по линии лекала
и дни, и ночи сумрачная пыль,
тускнея, отражается в зеркалах.
Вещей ненужность, безмятежный хлад
мне как-то странно душу холодят,
Им, бесприютным, знать не суждено,
что их хозяев нет уже давно
и жизнь иная за штрихами быта
от нас ушла и временем сокрыта.

Меня к себе приблизив в час заката,
где, кажется, и я была когда-то.

* * *

На сердце боль. Глаза мои пусты,
я за собою все сожгу мосты,
всего лишь миг – сгорает все дотла,
зола повсюду, мертвая зола.

Да что же это? Или я ослепла?
Ты вновь возник из дыма и из пепла.
И мне сказав, что не было огня,
зачем ожоги прячешь от меня?

* * *

Тире, кавычки, запятые, точки.
Читаю тексты – убегают строчки,
и что могу я вычитать из книг,
когда в них Вас я вижу каждый миг?

* * *

Одним удачи – короба.
Другим – им путь земной короче,
а кто-то ищет сам себя,
не зная сам, чего он хочет.

Не дура вроде бы губа,
сам не дурак ты, между прочим,
а за спиной твоя судьба
стоит и над тобой хохочет.

* * *

Слова за словами,
сырье для своих собираю страниц,
леплю их из воска,
из глины, из снега,
слова оживают в ладонях моих,
превращаются в птиц,
летят в небеса и опять возвращаются с неба.

Чтоб я их встречала, оставив другие дела,
одних отгоняла и в стаи других собрала.

* * *

Кто о ком говорит? – дом мой знает, а мне невдомек,
он сквозь стены взирает недремлющим оком,
как мелькаю по комнате вдоль, поперек,
между севером, западом, югом, востоком.

Я не знаю, там чьи в небесах журавли
улетают по нотам, высотам, широтам.
Но вот больно-то как вдруг подумать: не ты ли вдали
промелькнув, навсегда за последним исчез поворотом.

* * *

Ставлю белые в вазу кувшинки,
закругляю дневные дела,
предзакатно алеют тропинки,
из подсолнуха желтой корзинки
мед на лапках уносит пчела.

Птицы прячутся вечером в гнезда,
дремлет сад, отступает жара,
месяц тает,
хозяйка с утра
топит печь и упавшие звезды
выметает метлой со двора.

* * *

Пестрый август срывает звезду,
среди ночи дома, как улитки,
кто-то прячет в них боль и беду,
чья-то жизнь повисает на нитке.
Ну, а ты-то, что бродишь без сна
и гадаешь на знак Зодиака? —
Лев на небе,
за крышей луна,
на цепи у соседа собака.
И пока ты стоишь на свету,
под углом от дверного проёма,
кто-то, выйдя из ближнего дома,
сигаретой прожёт темноту.

* * *

Ну что сказать – люблю я здешний климат,
опять в снегах деревья и трава,
чтоб дом согреть, с утра встречая зиму,
несу я из поленницы дрова.

Как дышит печь: над крышей выдох дыма,
его уносит ветер в облака,
и танет вдруг к перу неудержимо –
раскрыть себя в пределах языка.

* * *

Туман набух, как набухает рожь,
в ненастье
сеет мелкий, мелкий дождь,
на поле в комьях мокрых, скользких глина.
В гремучей смеси гари и бензина
смотрю в пространство сквозь дверной глазок,
каков он – мир,
и почему-то плачу,
от жизни странной взгляд под веки прячу,
как страус прячет голову в песок.

И лишь в стихи ныряя с головой,
утешу ими в чём-то разум свой.

* * *

Пока душа летает птицей, своя отрада – ремесло,
но если так оно случится,
всецело хочешь с кем-то слиться,
нет, ты не будешь единица,
а будешь – дробное число.

* * *

Пойди туда, глаза глядят куда,
Туда-сюда – и день как не замечен:
исчез, угас. За хвост поймать бы вечер,
но тащит внутрь вселенной полынья
за мигом миг.

Спасет ли иногда наука о смиренье,
если грешник, болтун, зануда,
правдолюб, насмешник?

Не знаешь сам, где собственное я.

* * *

Чтобы мои стихи прочел читатель,
и в памяти ночной оставлен след,
их записать бы надо —
встать с кровати,
включить настольный над тетрадкой свет,
чтоб к лампе ток по проводу бежал...
Ищу, глаза зажмурив, выключатель,
боясь ужасно в темноте зеркал.

Не дай-то Бог, хотя бы на мгновенье
чужое в них увидеть отражение.

* * *

На песках оставляя штрихи,
волны мечутся влево и вправо,
свежий ветер, врываясь в стихи,
в них качает высокие травы.

Утка, крикая, ищет утят
под дождем в этих травах средь кочек,
капли крупные в строки стучат,
и вода вытекает из строчек.

* * *

Печь затопив в половине шестого,
чайник поставив с водой на плиту,
рифмы в тиши для стихов я найду:
к «рани» – «герань».

Убегает дорога
от фонарей на столбах в темноту.
И за блуждающей в комнате тенью,
свет не включая, невольно слежу.
Жизнь моя тает,
сгорают поленья.

Угли потом ворошу, ворошу.

* * *

Жужжит над грядкой майский жук,
о пень скребётся чей-то коготь,
так осязаем каждый звук,
что можно пальцами потрогать.
И даже сквозь внезапный дождь,
стучащий каплями по крыше,
там, далеко, где ты живешь,
мое ты имя назовешь,
я, кажется, тебя услышу.

* * *

Стою у древнего куста я,
пространство – парусом вдали,
а рядом амфора пустая,
куда-то нимфы все ушли.

Темнеет небо к непогоде,
от мелких волн на море рябь,
смотрю сквозь слезы, как уходит
в чужую гавань твой корабль.

* * *

Лед на лужах ломается тая,
нежит ветер деревьев кору,
посмотри-ка, зима-то седая,
озираясь стоит на ветру.

Дождь крадется тихонько, по-лисьи,
раскрывая свой зонт на ходу,
вороша прошлогодние листья,
по последнему снегу бреду.

* * *

Блеет в длинном загоне овца,
щиплет травы сухие из стога,
блудный сын навещает отца,
все семейство стоит у порога.

Семена прорастают в земле,
ждет селенье в полях урожая,
ангел держит звезду на крыле,
мать с ребенком в ночи утешая.

* * *

Журчит ручей, цветет ромашка,
сад весь опутан белизною,
я, словно влагу промокашка,
пью ночь под белую луною.
Хрустит под чьим-то шагом гравий,
трава в тени шуршит сухая,
я осуждать других не вправе:
сама-то, скажут, кто такая.
Во мне стихи сидят занозой,
я их выщипываю, то есть,
хочу всерьез заняться прозой
и написать роман или повесть.

* * *

Что стоишь, на округу глаза?
Ведь, наверно, совсем неспроста
удальцов, храбрецов, ротозеев
манят жуткие эти места.
Где над речкой с ее круговертью
леший с длинной сидит бородой,
в тихом омуте водятся черти
и русалки живут под водой.

В ОТЧЕМ ДОМЕ

Бросает коршун тень на грядки,
мышь из открытой борозды –
шась, юрк – и в норку без оглядки.
Малины пышные кусты,
все в алых ягодках,
с опушки
ползут к ограде вдоль тропы,
а там – за изгородь.
Грибы,
с водой колодезной в кадлушке,
в траве гуляют две несушки,
петух зовёт их – ко-ко-ко,
свежо, мне дышится легко.
Поставив тесто на ватрушки,
парное, вкусное, из кружки
пью с черным хлебом молоко.

День ясен. Видно далеко.

* * *

В ушко иглы вечерний свет продет,
дочь пишет маслом на холсте павлинов.
Ей говорю: писать во тьме картину
для зренья вредно.

Во дворе сосед
заводит долго старую машину.
Поет в эфире песенку Билан,
потом вещают новости с экрана,
я набираю воду из-под крана
в баллон,
деревья, уходя в туман,
на полотно выходят из тумана,

где средь ветвей под голубым мазком,
павлин следит за мной одним глазком.

* * *

Дорога мокнет под дождем,
последний снег на веках тает,
когда его заносит в дом,
где по страницам жизнь листаю.

И кто внутри там, не извне,
сидит себе, как мышка, тихо.
Кто, кто там прячется во мне
и отыскать не может выход?

ВЕЧЕРНЕЕ ОКНО

Так, наливая в кружку черный чай,
в стекле вечернем, в пору листопада,
двойник твой встречен взглядом невзначай
в деревьях смутных пасмурного сада,
с двором соседним,
лужей под кустом,
дорогой в поле, свернутою далью,
с цветком в горшочке,
люстрою,
зонтом.

На лист бумаги встанут в зазеркалье
за буквой буква в строчках под рукой,
как на поверке в длинный ряд солдаты,
как лес густой в селенье за рекой,
что был тобой покинутым когда-то.
Они, стихи, твой обживают дом,
смотрящий глазом пристальным в столетье,
ты их хранишь во времени, потом
становишься над ними кем-то третьим,

Читая строки, строчки, между строк
на перекрестке всех моих дорог.

* * *

Проводы днем.
Уезжает на запад соседей семья.
Ночью не спится:
встречаешься где-нибудь с собственным я.
Дождь, морося, превращается в слякоть и снег.
Поутру
город восточный знобит на стеклянном ветру.
А в голове телеграфные воют и ноют столбы,
налево, направо – по краюшку ходишь судьбы.
Ночи стеклянные бьются в стеклянные дни,
режут до крови осколки босые ступни.

* * *

Сентябрь откроет дверь однажды в лето,
где, ночью выйдя за пределы света,
я вижу свет в оконной дальней раме
с рисунком крыш темнеющих,
и вот –
деревья вдруг заговорят стихами,
им нужен мой дословный перевод.

* * *

Птица сидит на корявом суку,
гаснет костер, и уносит золу,
может быть, в вечность, а может, – в строку.
Путь мой длинней по прямому углу.

Быстро темнеет.
Не видно ни зги,
только слышны за спиною шаги:
может, попутчики. Что из того?
А обернешься – и нет никого.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Ловит сетью старик пескаря,
заяц в заячьей скачет капусте,
и, живя в голове без царя,
отчий край покидая без грусти,
кто-то ищет добра от добра,
а в домишке убогом, забытом
баба, мужа прогнав со двора,
голосит над разбитым корытом.

ИЗ ДЕТСТВА

На солнце розовый шиповник:
цветок, цветок, еще цветок,
роняют лепестки под бревна
и в мелкий гравий, и песок.
И чучелу в ростках моркови,
свивая воздух в кружева,
салятся бабочки на брови,
ныряют птицы в рукава.

Из леса ягоды в корзинах
несут и в речке ищут брод,
и у разинутых ворот
стою я, тоже рот разинув,
на то, как по холмам, ухабам,
туда, где ранняя звезда,
цыган уходит в небо табор,
покинув здешние места.

* * *

А если уходишь, подальше смотри,
а если уходишь, поменьше кори,
в дорогу себя поскорей собери,
всякое может случиться в пути.

А если обратно – не ждут калачи,
а если обратно – стучи не стучи,
когда не находишь в кармане ключи,
от двери, куда ты так хочешь войти.

Выйдут и скажут в ответ: «Уходи!»

СТРАШИЛКА

Карта местности – белые пятна,
огонек ли вдали, иль звезда,
огонёк иль звезда – непонятно,
куст шепнет мне: «Вернись-ка обратно,
не ходи, – он прошепчет, – туда
не ходи – пропадешь безвозвратно,
там лихая таится беда».

Не ходи – остановка на слове.
Там зубастых заборов черта,
в шапке дом по косматые брови,
клык сосульки торчит изо рта.

И любому погибель пророча,
и под луной ледяною в снегу,
острый клюв о столетия точит
чёрный ворон на чёрном суку.

ЗИМА В ТАШКЕНТЕ

По белому полю, по рваному снегу...

Вика Осадченко

«По белому полю, по рваному снегу»,
смотрите, как в шлепанцах, ходко,
в жилетке ворсистой, под юбкой широкой – трико,
в сумке громадной
скуластая, смуглая тетка
в бидонах, баклажках и банках несет молоко.
Несет на продажу. Базарные майны-нахалки
дерутся друг с дружкой, вплотную стоят гаражи
под небом провисшим,
на мусорной свалке
всё утро торчат на крещенском морозе бомжи.
Во времени вязком из тика и така и тика,
у входа к базару в ведре пламенеют гвоздики,
на кость близь кафешки собаку приводит чутьё,
за мостиком рядом с плитою бетонной арыка
куст ловит в воде отраженье худое свое.
В анабиозе под льдиною крепкой лягушка.
И хотя зябко и солнце куда-то ушло,
ворона на дерева лысой макушке
каркает громко, что будет тепло.

* * *

Подсолнухи, вспомни, желтеют
над серым дощатым забором
и вместе с забором ложатся
под утренним солнцем повтором
на пыль придорожную.

Дует с реки.

И мама грибные печет пироги.

Но всё, всё уходит,

На улице в слякоть

совсем невозможно стоять одному,

хотя бы в жилетку кому-то поплакать,

нет, лучше навзрыд лишь себе самому.

Так пусто и холодно в отчете дому.

* * *

Плещется море над ухом в ракушке,

в лужице квакают хором лягушки,

нитью протяжною тянется звук.

Счастье свое выпускаешь из рук

в жизни своей иногда поневоле,

или хандришь, или ноешь от боли.

Свет фонаря за окном после двух,

резко моргнул и внезапно потух.

В комнате сонной при полной луне

белый цветок на стене.

* * *

На ходу в беготне, в суете,
собираю слова для стиха,
урожай просеивает рука,
остаётся зерно в решете,
улетает по ветру труха.
Перемелется – будет мука.
А потом, если нужно, смогу
хлеб испечь и заладить строку.

* * *

Успех, провал, укор, удача,
словесных зерен молотья,
самообман, самоотдача
из всяких «сам», «само», судьба
мой путь надолго обозначит –
решать насущные задачи,
надеясь только на себя.

* * *

То снег, то пыль, то дождь,
то в слякоти округа,
когда-то вдруг поймешь:
нет выхода из круга.
В обыденной ходьбе порою спотыкаясь,
по лесенкам к себе,
то вверх, то вниз спускаясь,
поймешь, поймешь не вдруг,
подобно в небе птицам:
не обозначить круг дано лишь единицам.

* * *

Розы цветут на морщинистых грядках.
В рюшках, оборках, воланах и складках
капельки-брошки от яркой зари.
Так погружаюсь на миг в созерцание,
где предпочтительней всё же молчание,
но ты говоришь, говоришь, говори...

О комарах, о дождях, о погоде,
жаркое лето уже на исходе.
Знаю, ты мастер по части —
на уши вешать слова.
Что это?
Может, к ненастью
сильно болит голова.

* * *

Не знаю, как тут быть,
и жить не знаю, как:
забить на всё, забыть?
Нет,
сделав первой шаг,
молю у высших сфер:
о, дай мне в этот час
преодолеть барьер,
что разделяет нас.
Стою столбом теперь,
ты, выйдя налегке,
прикрыл неплотно дверь,
оставив ключ в замке.

* * *

Девятый видишь сон,
иль слушаешь вполуха,
молчит твой телефон,
гудки, а дальше глухо.

Пока ты будешь спать
и думать: «Мне не нужен?»,
придёт в мой дом опять
незванный гость на ужин.

* * *

Всё! Держишь себя на ниточках-нервах,
корчишь из себя древнегреческого героя,
и вдруг исчезает дыхание первое,
и вдруг открываешь дыханье второе.
Тогда и поймёшь: свобода внутри тебя есть или нет,
тогда понимаешь, на чём же он держится,
весь этот свет –
на вере, надежде, любви,
и надо бы вроде сказать «се ля ви».
Да, но как же рожать и растить нам детей,
ведь в мире так много опасных
и страшных людей, точнее зверей.

А что ты мне скажешь в ответ?

* * *

Мне даль, как книгу, хочется прочесть,
где мокрых крыш мерцающая жесьть
еще в пространстве светится,
костёр чадит в осенний сумрак,
под топор
лохматый дворник отправляет сучья,
кусты топорщат коготки паучья,
и странно как-то вдруг находит блажь:
с крылатой в небе каркающей стаей
к себе вплотную подтянуть пейзаж,
а он в туман пугливо отступает,

дрожит, клубится, комкается, тает.

* * *

Говорят, что в Рязани грибы с глазами,
ну, а здесь по-иному, поскольку с дождями
нынче худо.

Жара,
на плетень тень наводит себя,
целый день воду возят на тех, кто обижен,
ремень дед готовит для младшего внука –
внук, он в роли Амура стреляет из лука
в пешеходов.

Вблизи магазина
кроет пьяного матом буфетчица Зина,
на селе в тесной связи и цель, и причина,
миг – потехе, работе – часы,
там, где спят в подворотнях ленивые псы.

* * *

Хочется снегом укрыться скорей борозде
раннею южной зимой, но пока
снегом не пахнет и снега не видно нигде,
хотя без перчатки на улице мёрзнет рука.
«Хочется снегом укрыться скорей борозде», –
вот привязалось – важнее бывают дела,
чем эта строчка, со мной неотступно везде,
словно под кожей прячется где-то стальная игла.
Хочется снегом укрыться скорей борозде,
там, где на дереве пусто и холодно в птичьем гнезде.

* * *

Он говорит: «Неисправима, невыносима,
и с каждым днём становишься хуже,
пушистая, белая только снаружи
перед людьми,
но при нажиме
(с моей стороны)
доведёшь до раздора,
несносная ты, удавиться бы впору».

Она говорит: «Мне не капай на нервы,
не буду тогда я ни язвой, ни стервой,
и делать из мухи не надо слона,
в глазу своём часто не видя бревна».

Она говорит...

Он говорит...

Он говорит...

Она говорит....

Говорят в один голос...

* * *

От всех дорог, холмов, от рыжих перелесков,
со дна больших домов подтянут взгляда леской,
ты весь в моём окне, ты весь в моём зрачке,
как рыба на крючке,
где я стою молчком, откинув занавеску.

Признаюсь, ты мне люб.
В пространстве между нами
зачем уходишь вглубь пустынными дворами?
То медленно, то резко тяну тебя, тяну.
Ты, обрывая леску, уходишь в глубину.

* * *

Встаёт заря, кричит петух,
цветок бросает в почву семя.
Над бытием своим пастух,
ты придержать хотел бы время.
А так – то дождь, то холода,
то летом жар, как из духовки,
летишь неведомо куда,
ни точки нет, ни остановки
во времени,
мелькают вдруг,
то куст, то холм, то лес, то луг,
то Божьи красные коровки,
шмели, репейников головки,
над грядкой вскопанной лопух –
всё, все захватывает дух,
повсюду шум и гам, и стук,
и нет опоры для страховки.

* * *

Тепло отступило. Холодное время настало:
зверушки – по норам,
лягушки уснули в болотах,
тяжёлое, ватное скинешь с утра одеяло,
мурашки по коже, как будто
в иных пребывая – не южных – широтах,
подключишь к сети телевизор,
чтоб новости, вести послушать вполуха,
силишься вспомнить усердно,
какое сегодня и день и число,
стёкла снаружи царапает чёрная жирная муха,
хочет прорваться сквозь узкую щелку
в людское тепло.

И пробирается,
мчится кругами по дому от страха,
жужжи – не жужжи и кружись – не кружись,
тебя я, тварюжка,
прибью мухобойкой с размаха:

вот так беспонтово кончается глупая жизнь.

* * *

Дождь весь вышел,
оставив широкие лужи без дна,
в них с камнями, кустарником,
пнями, травую
ты сама над собой
в тусклом небе видна
под взлохмаченным облаком
вниз головою.

По пустынной дорожке идёшь
над пустынной речкой одна
рядом с длинной, бетонною,
крепкой стеною,
обрывается вдруг,
а за нею другая стена,
где земля под твоей уползает ступнёю.
А с деревьев вокруг осыпается хна,
и невидимый ангел бредет за спиною.

Да, внутри тебя тоже бывает стена
и смыкается где-то с наружной стеною.

* * *

Мышка – в норку, под лёд тонкогубый карась,
в старом доме скрипит половица,
баба с возу упала в дорожную грязь,
а «еёшный» мужик до сих пор матерится.
И под мат тот считают в деревне цыплят,
девки ходят с парнями на танцы и в поле,
только мамки всю ночь им гулять не велят,
говорят: «Принесёте в подоле».
И когда соберу я дорожный мешок –
рюкзачок, провожая по-русски,
поднесут стопку водки на посошок
и портвейна стакан на закуску.
А потом в голове под жужжанье осы,
под гуденье жука-носорога,
с тротуаров сходя, деревенские псы,
мне с почтеньем уступят дорогу.

* * *

Ну, а опыт на что? –
То вдруг вправо пойду, то левой,
наступая внезапно на те же зубастые грабли.
Я себе говорю: «Подружись с головою своей,
пока ноша посильна и руки ещё не ослабли».
А пока что с собою порой не в ладу
я себя на различные мелочи трачу:
вот и время чужое возьму, украду,
о своём загрущу,
среди ночи кромешной заплачу.
И пока я иду по овражкам крутым,
где неверный мой шаг откликается вздохом,
вспомнив сладкий из детства «отчества дым»,
собираю всю жизнь по штрихам,
по частичкам, по крохам.

* * *

Ты смотришь в чертополох,
я – на вишнёвый сад,
на каждый твой выдох и вздох,
твержу: «Обернись-ка назад,
я вовсе тебе не снюсь.
Лицом к лицу твоему повернусь,
да только что в нём смогу найти,
да только что мне все эти «авось»? –
нам просто не по пути»,
а дальше – и дальше врозь.

* * *

А мы, как два сообщающихся сосуда:
отсюда убудет, обратно пребудет оттуда,
каждую клеткой проверено –
сплетаются мышцы и нервы,
в итоге
мы превращаемся в тихое дерево
близ шумной людской дороги.
Под небом Востока в трезвоне,
под говор, под шорох, под стук,
мы птиц отпускаем с ладоней
на север, на запад, на юг.

* * *

Белкой в колесе кручусь весь белый день,
вечером сижу без сил – мишень
над собою шуточек.

Мне лень
свет включить на раз, два, три, четыре,
выберусь из кресла,
по квартире двое бродим: я и моя тень
под луной бездомною,

сирень
за окошком вяжет кружева.

Ну, а я – бессонная сова,
не какая-то другая птица,
мыслю я, мне потому не спится.

И еще дана мне голова,
чтобы где-то находить слова,
и свои рифмуя по привычке,
и иные заключив в кавычки.

Вот сейчас под крики петуха
нахожу в пространстве «Ночь тиха»...

* * *

По рекам,
по всем своим библиотекам,
по горным тропам наскрести,
по погребам и по сусекам,
чтоб «чушь прекрасную» нести.
Но не в укор и не в обиду,
себе в ущерб, но не во зло,
мне Вас не надо больше видеть,
чтоб вовсе крышу не снесло.

* * *

Сближаются все расстояния,
за шагом, за каждым шажком,
откуда оно – узнавание
себя в человеке другом?
И если так близко, так близко,
скажу себе: глубже дыши,
чтоб с воздухом свежим порыскать
по всем лабиринтам души.
От первого вздоха с пелёнок
душа – она тайна во мне,
где жизнь – желторотый цыплёнок,
увиденный мною во сне.

* * *

Тонкой кожей почую: уходит тепло,
поля вид за амбаром заброшен,
об оконные бьётся стекло
много мокрых, прозрачных горошин.
Всё стучат и стучат,
ну и пусть,
как по дереву тюкает дятел,
эту местность прочесть наизусть
мне не трудно под шорохи капель.
В затяжные уставясь дожди,
где как будто бы кто-то невнятно
мне шепнёт: «Никого не суди –
возвращается слово обратно».

* * *

Попробуй уйти от ошибок,
если, признаться, не очень-то гибок.
Не гибок,
а гибким быть вроде бы надо.
Дремотная осень,
пора листопада,
в шуршащих одеждах взлохмаченный сад,
в нем крупные яблоки сверху глядят,
у яблочек румяные лица,
на ветке скрипит голосистая птица,
голосом катится в небе телега.
Сколько же дней остается до снега?
Когда-то отсюда уйду я туда,
а там холода, холода, холода...

* * *

Важно ли, кто из трубы вылетает,
а кто там сидит и сидит на трубе?
Мучает нечто иное: что можешь ты сделать,
и кто ты, и где ты?
Сам заплутался, в себе заблудился любимом, в себе.
Крикнешь «Ау!...» – ниоткуда не слышно ответа.
Все-то тебе бы бродить, колесить,
копошиться, не видеть в упор
розы, гвоздики на грядках,
цветет под окном маргаритка,
в даль меж домами, шатая скрипучий,
дощатый забор,

лезть через щель, не заметив,
что рядом раскрытая настежь калитка.

* * *

Матушка-птица горько рыдает:
птенчик упал из гнезда, и в гнездо
как-то не сразу, но всё ж попадает.
Мимо проходит мигая авто
с выхлопом едкого серого газа.
В дом свой зайдешь – тишина,
красную розу в хрустальную вазу
ставишь напротив окна
в множестве солнечных бликов и пятен
и вспоминаешь о том,
о том, кто тебе так при встрече приятен,
но ты с ним почти незнаком.

Ветер растёт и дворы заметает песком.

* * *

Время летит быстрее,
чем бы тебе хотелось,
Давно ли скрипел под подошвами
мартовский снег,
и вот он – сентябрь, ощущается спелость
яблока, сливы, граната, ореха, айвы,
а осенью позже качаются ветром
сухие метелки травы
над мелким заросшим арыком.
Линяют кусты
и листья в полет отправляют,
а ты
смотришь – картинка с балкона
на землю из окон –
там, в плащ завернувшись плотнее,
чем куколка в кокон,
прохожий под желтый идет листопад,
а перед ним – и под ноги,
и сверху, и сбоку –
три майны заводят разборки,
раздоры и склоки,
кричат, верещат, голосят.
Махая руками, их хочет идущий разнять человек,
они разлетаются с гневным упреком,
и вновь друг на дружку с подскоком,
прискоком, наскоком,

и, кажется, к вечеру выпадет снег.

* * *

Как будто через реку переходишь,
так Грека когда-то ходил через реку,
Душа покрывается коркой,
как снег покрывается настом,
Он, наст, иногда может выдержать
вес на себе человека.
А что до души, то в дожди,
в непогоду, в несчастье
Скажешь сквозь зубы, что всё перепашет,
Так говоря о ней в третьем лице,
Как будто тебя укусила какая-то муха,
не муха простая, а муха цеце:
Выходишь сам из себя и рубишь,
и рубишь словами с плеча.
Но за тобой закрывается дверь,
хотя её можешь открыть без ключа,
А чуть приоткроешь,
таким вдруг обдаст сквозняком,
Как будто ты это вовсе не ты,
а встретился вдруг с чужаком.
Лишь слышишь среди ночи вдали отголосок
собачьего лая на злую луну,
Да где-то в реке, там, где ила наносы,
наверное, ползают раки по дну.

* * *

И пролетают мысли стаями,
одна с другой на миг сомкнется.
Мое лицо, оно читаемо,
на нем не спрятаться эмоциям.
Когда ты рядом, рядом, рядом,
сниму нелепые очки:
под электрическим разрядом
твои зрачки, мои зрачки,
где я в пространстве растворяюсь,
меня как будто вовсе нет,
и не понять, где центр, кто с краю,
а только свет, а только свет.
Пока что день, пока не вечер,
а если вечер, ну и пусть,
хоть мы нацелены на встречу,
при расставании с болью грусть:
а вдруг всей тяжестью на плечи,
вдруг разойдутся все пути,
когда дышать как будто нечем,
друг друга вовсе не найти,
где мы уйдем за лес, за пашни,
где льется дождь, где снег идет,
где будем мы лишь день вчерашний,
куда закроет время вход.

* * *

Осень сдирает последние листья с дрожащих,
испуганных сучьев.

Холодно.

Красное лето уходит за холм безвозвратно куда-то.

Кусты над арыком кое-где в паутинах белесых,
дремучих, паучьих,
и сам ты в блестящих оранжевых точках заката.

И птицы, как точки. То стайкой, то врозь,
в одиночку тянутся в небе за дальним дувалом
из тучи лохматой проема,
с точки их зренья ты сам
превращаешься на поле в точку,
чтоб после исчезнуть за дверью
подъезда панельного дома.

В комнате зябко.

Не греют бетонные, серые плиты.

В кресле калачиком.

Памятью ловишь, тревожно щемящей,
разумом строчки, просеяв сквозь жесткое
мелкое сито:

все больше в ушедшем, все меньше

и меньше тебя в настоящем.

* * *

Чужая душа – потемки.
Ты рядом бродил, спотыкался не раз
и падал,
и не было близко соломки,
и темень такая, хоть выколи глаз.

Да и в своей при обычной погоде,
бывает, бредут затяжные дожди,
где сам ты не пряник и надо бы вроде
расставить все точки над буквами «и».

А помнишь, цветущий шиповник
стоял на высоком яру,
и ветки с цветами неровно качались
на свежем ветру?

Он, ветер, над ними кружился
и рвал из цветка лепесток,
где розовой бабочкой вился
над белой ромашкой цветок.

А нынче в дожди и туманы ты все доведи до ума,
почисти в себе чердаки и чуланы,
под ветром продуй закрома,
и в комнатах будет свежо и светло,
как будто бы снегом вокруг намело,
как будто в снегу и деревья, и крыши,
киоски, дворы, светофоры, афиши,
ограды, сады, тротуары, дома,
и там, где средь веток под щебеты птичьи
над мелким арыком краснеет хурма...

Окно приоткроешь, присвистнешь,
под нос промурлычешь:
«Так это ж и впрямь наступила зима».

* * *

А слеза-то что Божья роса,
и таким вдруг обдаст сквозняком —
так на камень находит коса,
так по острым камням босиком.

И закусишь губу, и набросишь пальто,
скажешь тихо: «Уйду навсегда»,
а ему хоть бы хны, а ему хоть бы что,
а ему словно с гуся вода.

* * *

Давай повернемся друг к другу,
ведь все-таки в чем-то мы очень похожи,
тебя для себя открываю,
и ты открывай для себя меня тоже,
твоими глазами могу я увидеть лицо мое,
руки, глаза и ладони
на фоне заката,
деревьев цветущих на фоне.
Здесь у арыка на деревянную
вместе присядем скамейку,
а рядом, полшага, простой одуванчик,
согнув свою тонкую, нежную шейку,
над собственной хрупкой склоняется тенью,
а в воздухе пахнет дождем,
да, в воздухе пахнет дождем и цветущей сиренью.

* * *

Смотри, эта осень на ветке,
изогнутой криво,
листву обрывает,
а дальше ты к ней подбираешь слова,
пока там в саду созревает и падает
с дерева спелая слива,
пока там за ветку другого,
цепляется ножкою крепко айва.
Пока там ...

А дальше туманно, дождливо
печалится, кажется, осень сама.
В движении к снегу ее перспектива.
А дальше, что дальше?
Ну что же там дальше?
А дальше, конечно, наступит зима.

* * *

Коготок-то увяз,
даже если права,
сделав первый навстречу шажок.
Можешь мысли упрятать в слова,
а вот шило попробуй в мешок...

И витая в своих облаках,
Ну, каков он –
по носу щелчок?
Если думаешь: рыба в руках,
а она обрывает крючок.

СНЕГОВИК

Он вдруг загрустил, он совсем не привык,
что двор опустел.

Перед детскою горкой – носик-морковка,
глаза-угольки – снеговик.

Лысину пряча под серым, помятым ведерком,
с метлой из коричневых прутьев коротких стоит,
немножко нелепый, ну, очень печальный на вид.

А ночью то тает, то вновь подмерзает,
(погоды внезапный каприз),
а он, снеговик, он в снегу оседает,
из глаз его слезы горошками падают вниз.

* * *

Пока не видит дальше носа,
но не уходит от вопроса:
кто знает из ее поклонников,
как ветер с южных гор мятежником
врывался ночью в мокрый сад,
там, где на влажном подоконнике
под солнцем утренним подснежники
в окне раскрытом чуть дрожат.

* * *

Для вечера сумерки – это начало,
где засветло чье-то зажжется окно,
людей в переулке ты видишь немало,
но запад погаснет и будет темно.
Идем мы в полосках неверного света,
вдыхая шашлычный на улочке чад,
нет ветра – гуляет по городу где-то,
а где он гуляет, деревья молчат.
Они нас с тобою берут на заметку,
где мы лишь пейзажа восточного часть,
держусь за тебя, как за крепкого дерева ветку,
чтоб дальше идти и нигде не упасть.

* * *

Чувство вины ни с чем невозможно сравнить,
тем более, если нельзя ничего изменить.
Делятся дни твои после на *от* и на *до*,
где птица вины в душе твоей вьет
и свивает гнездо,
птенцы этой птицы покоя тебе не дают:
то вроде притихнут,
то сердце так больно клюют и клюют,
и клюют.

* * *

*Как если бы я был этой твоей белизной,
как если бы ты была моей.*

Пауль Целон

Как если бы шла я по белому снежному полю,
как если бы шла не одна,
Шёл рядом попутчик такой,
каким для себя быть могла я сама.
Мы шли, говорили, смотрели друг другу в глаза,
и в них мы не видели дна,
ныряли и вновь выплывали,
А рядом и дальше, и дальше –
езде и повсюду стояла зима.
И дерево в белом на ветках
в комочках из снега казалось цветущим,
Цветущим и белым, таким, как бывает весной.
Мы рядом стояли, мы долго молчали,
как если бы каждый,
Как если бы вместе, один для другого
Мы были такой белизной.

* * *

Сохрани это слово в своей голове,
То слово, к которому могут потом прицепиться
Красное солнце, след на траве,
жёлтая с красными перьями птица.
Вот здесь и бросай, и бросай семена,
Здесь будут расти стихи,
Сквозь них пусть течёт тишина, тишина,
овраги, холмы, лопухи,
А после под ними – да, да – под стихами,
смотреть, как срывая с цветов лепестки,
Он, ветер, играет, играет ветвями,
слова повторяя из длинной строки.

* * *

А где-то внезапно, случайно, врасплох,
А где-то он, путь твой, не так, а иначе,
С обидой на выдох, а также на вдох.
А где-то в ночи после двух или трёх
Вдруг птица ночная заплачет,
И форточка хлопнет.
Проснешься – спросонок
Ты мир этот будешь в себе отражать.
В тебе ещё прячется где-то ребёнок,
Не надо его обижать.

* * *

Так по какой себя судить мне мерке?
(Что уяснить бы надо на примерке,
Добро и зло поставив на весы).
Дни пролетают, тикают часы...
Хотя грешки находишь при проверке,
Избавь, мой Бог, от чёрной полосы.

* * *

Тогда, когда надумаешь всерьёз
Запечатлеть букет из красных свежих роз,
Слегка склонённых над хрустальной вазой,
Тогда возьми и напиши их сразу:
Цветок к цветку, что надо бы учесть,
Пока в них чистота и свежесть есть,
Вдыхая свежий в комнате озон,
Он, ах, он в «ахах» просит междометий
С грозой лиловой, создающей фон
Для этих нежных, бархатных соцветий.
Ну, что ж, художник!
Кисти, карандаш,
Мольберт и краски, чтоб запечатлеть их,
Затем окно, потом в окне пейзаж,
Какого не понять тысячелетья.

А ты скажи мне в зимние морозы:
«Как хороши, как свежи были розы».

* * *

Решаешь одну проблему и попадаешь
в другую, как в омут:
Крутит, вертит,
Нырять, не чувствуешь дна,
Ветер уносит прочь семена,
А оставляет в ладонях простую солому.
Нет, лучше сидеть, наверное, дома,
Включить телевизор, но там то разборки,
то распри, то бойни.
Повсюду большие и малые войны.
Грусть подступает,
Находит усталость,
Холод какой-то стоит за спиной.
Вот и друзья, их почти не осталось,
Кто-то куда-то уехал, а кто-то ушёл в мир иной.
Сосед что-то дрелью сверлит за стеной,
сверлит и сверлит...

* * *

Возвращайся к себе.
Не уходи от себя далеко.
Стой на краю.
Посмотри, как петляет дорога обратно.
Туман погружает людей и дворы в молоко,
Дома и деревья в тумане – размытые пятна.

Иди же к себе по траве, по росе, по песку,
Взгляни – розовеет лесная опушка.
Там круглое солнце у леса лежит на боку,
Да где-то кукует, кукует, кукует кукушка.

И дерева ветка стучит и стучит по плечу,
Печаль отгоняя и боль, и усталость.
Кукушка, кукушка, я знать не хочу,
Сколько мне жить в этом мире осталось.

* * *

Всё перемелешь, созреешь, потянет к строке
Сквозь длинную паузу с ручкой в руке,
Отсюда возьмёшь, непременно оттуда,
Там, где в тебе зажигается груды
Из веток живых и сухой бересты,
Там ты по наитью наводишь мосты
К нему одному
На свету и во тьме,
Из осени двигаясь к белой зиме.
То кочка в пути, то бугор, то забор,
Дымится, чадя задухает костёр.

А где-то в трескучем, сквозном декабре,
Найти бы хоть искру в потухшем костре.

* * *

Начало – причал для каких-нибудь слов или фраз,
Где строки от ветра внезапно гнутся,
Луч солнца последний в деревьях увяз,
Споткнулся о вечер, там тихо погас,
Где хочется мне так обратно вернуться,
Взглянуть на тебя хоть один только раз,
К ладони твоей хоть на миг прикоснуться.

* * *

Как-то гадалка мне погадала на картах
однажды, что ты вернёшься,
Но ты говоришь мне, что дважды
не входят в одну и ту же реку.
А я не могу,
Я бегу за тобой, бегу,
А я бегу и кричу набегу: «Не молчи!
Вот тебе – я,
Вот от дома ключи,
Вот мои двери распахнуты настезь,
Я твоя дама, крестовая дама по масти,
А ты мой черви, мой червонный король,
Не сыпь мне на рану горячую соль!
Остановись же!» –
Кричу и кричу тебе вслед,
А ты исчезаешь, ты таешь, нигде тебя нет,
Ну, нигде тебя нет!
А на ладони мне падает, падает, падает снег,
Снег, снег, снег – и замерзаю...

* * *

Так всё меняется,
Так незаметно,
Так день выпускаешь внезапно из рук,
Вчера ещё сочные листья на ветках,
А нынче лишь голого дерева сук.
Плетень над пустынною зябкою грядкой,
Тропа через скошенный луг
Намокнут.
Дождей на земле отпечатки,
В седой паутине паук
Висит неподвижно, как брошка из воска,
В древесных сплетеньях куста,
По водам из облака серого остров
плывёт к середине пруда,
Он – пруд – отражает и берег обрыва,
И покосившейся стог,
Песчаную косу, лежащую криво,
И рубчатый гравий, и мелкий песок,
Дошатаю лодку на горке вверх днищем,
Со старым забытым стожьём,
Где ты, обошедший костров пепелища,
Прошедший по полю с колючим жнивьём,
В себе ощущаешь, в себе открываешь,
В себе принимаешь не сразу, не вдруг,
Такую же осень, где птиц перелётные стаи
Давно улетели на юг.

* * *

Леплю снеговика,
От снега моя холодеет рука,
Снег тает в ладонях,
И вот она рядом, из снега река,
Пускаю бумажный кораблик по водам,
В нём парус, как сложенный зонт,
Плывёт мой кораблик, плывёт, уплывает
и прячется за горизонт.
А там я в своём настоящем,
Отсюда мой собственный в прошлое путь,
И в детство, и в юность,
Туда и обратно – раз, два – не успеешь моргнуть.
А где-то там память, что вовсе не важно,
Откроет в пространстве свой личный дневник, –
Плывёт и плывёт там кораблик бумажный,
Из детства на горке стоит снеговик.

СОДЕРЖАНИЕ

Ташкентские зарисовки	5
Пейзаж	5
На деревьях и охра, и кадмий, и медь	6
Нет, худа без добра	6
Чуть брезжит свет, на полпути жара	7
Нас что-то сводит вопреки	7
В гортани дрожь, с касанием языка	8
Белый снег, а, может, вишен белых нежное мерцанье	9
Миг иль годы здесь ты не был	10
Летящим птицам нет числа	11
Печаль во мне	12
Спелые ягоды сладкой малины	13
Ночью ветер января, всю насквозь продув округу	14
И ветер воет	15
И не считай своих горьких потерь	16
Летняя ночь	17
Дождь	18
Февраль	18
Скрипит по дороге телега	19
«Пока, – мы скажем – до свидания»	19
Кто-то горько заплакал в толпе	20
Днем листву намело, но пока что не вечер	20
Сенокос	21
Все тот же ряд домов	22
К банальной фразе	23
Январь	24
Лес облетел	25
Не остановишь в песочных часах дни	26
Как выкрик – разговоры, как вызов – эта рань	26

Девяностые годы	27
Желтый лист отлетел от куста	28
Беда ли твоя, иль вина	28
По половицам босиком прошла	29
Дом бревенчатый	30
Ветер тащит поземку с реки	30
Шумны и роскошны дворы	31
Под вечер луг весь ливнями зарос	31
Вот так опустишь до земли	32
Растает туман у порога	33
Приручал, да все без толка	34
А снег идет	34
Дочери Лене	35
Погасла на небе звезда	36
Дождь	36
Да хоть бы так – колдуньей будь я	37
Давно ли был пышным пейзаж?	37
Что орете петухи?	38
Хоть предоставь мне кров	38
Ночь. Бессонница. Луна	39
Катались в масленицу с горки	39
Вымел сор из избы и слова	40
Снег	40
Перегорело	41
Осень	41
Дочери Оле	42
Осень	42
С благою целью всматриваться	43
Со стайей птиц, летящих в небе клином	44
Кто там, кто стучится в сени?	44
На даче	45
Натюрморт	46
Вот и осень пришла	47

Памяти отца	47
Что рождает в сердце смуту	48
Ветер, запахом снега наполнив жилье	48
Прощай	49
Ты до самого донышка видишь меня	51
Улица, ночь и, конечно, аптека	51
Все-то теряешь: монеты, записки, браслеты	52
За словом не послать гонца	52
Тень полосатая липнет к забору	53
Котел, кастрюля, сковородка, сито	53
От двери дома – за порог	54
Не спится что-то спозаранку	54
Кустов одежды мокнут на земле	55
Вот этот путь мой из варягов в греки	55
Ветер, душу мою бередя	56
А что до свободы?	57
В саду пустынном нежно вянут розы	58
Июль, жаровня, тарахтят колеса	58
Средь кухонной утвари вдруг	59
Откроешь двери – снег заносит пухом	60
Узор роняет дерево Востока	60
Стоит роман на книжной полке – Маркеса	61
Мимо хожу и не знаю я – кто ж Вы?	61
Птичье	62
Летний туман	62
Пойти ловить бы бабочек на хутор	63
Шаг за порог	63
О, как под платье нижнюю сорочку	64
Да куда же идти?	64
Гул машин на дорогах	65
Что нагадают тебе зеркала?	65
А дождь не ко двору	66
Вышить бы розы стихами на бледной тумана канве ...	66

Я открыла ночью сонник	67
Словам со мной играть забавно в прятки	67
То пчелкой тружусь	68
Летом	68
Спешу	69
Памяти отца	69
На деревьях до рассвета	70
Поддаться на уговор, а после и худо, и лихо	70
В комья смерзнется мягкая глина	71
А если будут вместе сведены	71
Во мне таится множество людей	72
А кто здесь жил, уехал кто куда	72
Песок в песочных движется часах	72
Обыденное	73
Жизнь куда-то летит. «От» и «до» бытие	75
Из слов твоих растет глухой забор	75
Выпить бы, что ли микстуры	76
Готовят к сушке на зиму грибы	76
Да, что могу, скажи, о ближнем, знать я	77
Короче дни становятся	77
Дождь слепой, и почти незаметен	78
Как дует резко холодом извне	78
Соединение молекул, солей	79
А ты – дремучий лес	79
Луна в осеннем небе гаснет	80
Живем, спешим и он, и ты, и я	80
Поющий свет	81
Память	82
Красное лето ушло	83
Так, бродя из ночи в ночь	83
На сердце боль. Глаза мои пусты	84
Тире, кавычки, запятые, точки	84
Одним удачи – короба	84

Слова за словами	85
Кто о ком говорит?	85
Ставлю белые в вазу кувшинки	86
Пестрый август срывает звезду	86
Ну что сказать – люблю я здешний климат	87
Туман набух, как набухает рожь	87
Пока душа летает птицей	88
Пойди туда, глаза глядят куда	88
Чтобы мои стихи прочел читатель	89
На песках, оставляя штрихи	89
Печь затопив в половине шестого	90
Жужжит над грядкой майский жук	90
Гаснет день	91
Сказка о царевне-лягушке	91
Стою у древнего куста я	92
Лед на лужах ломается тая	92
Блеет в длинном загоне овца	93
Журчит ручей, цветет ромашка	93
Что стоишь, на округу глаза?	94
В отчем доме	94
В ушко иглы вечерний свет продет	95
Дорога мокнет под дождем	95
Вечернее окно	96
Проводы днем	97
Сентябрь откроет дверь однажды в лето	97
Птица сидит на корявом суку	98
Сказка о рыбаке и рыбке	98
Из детства	99
А если уходишь, подальше смотри	100
Страшилка	100
Зима в Ташкенте	101
Подсолнухи, вспомни, желтеют	102
Плещется море над ухом в ракушке	102

На ходу в беготне, в суете	103
Успех, провал, укор, удача	103
То снег, то пыль, то дождь	104
Розы цветут на морщинистых грядках	104
Не знаю, как тут быть	105
Девятый видишь сон	105
Всё! Держишь себя на ниточках – нервах	106
Мне даль, как книгу хочется прочесть	106
Говорят, что в Рязани грибы с глазами	107
Хочется снегом укрыться скорей борозде	107
Он говорит: «Неисправима, невыносима...»	108
От всех дорог, холмов, от рыжих перелесков	109
Встаёт заря, кричит петух	109
Тепло отступило. Холодное время настало	110
Дождь весь вышел	111
Мышка – в норку, под лёд тонкогубый карась	112
Ну, а опыт на что?	113
Ты смотришь в чертополох	114
А мы, как два сообщающихся сосуда	114
Белкой в колесе кручусь весь белый день	115
По рекам	116
Сближаются все расстояния	116
Тонкой кожей почую: уходит тепло	117
Попробуй уйти от ошибок	117
Важно ли, кто из трубы вылетает	118
Матушка-птица горько рыдает	118
Время летит быстрее, чем бы тебе хотелось	119
Как будто через реку переходишь	120
И пролетают мысли стаями	121
Осень сдирает последние листья	122
Чужая душа – потемки	123
А слеза-то что Божья роса	124
Давай повернемся друг к другу	124

Смотри, эта осень на ветке	125
Коготок-то увяз	125
Снеговик	126
Пока не видит дальше носа	126
Для вечера сумерки - это начало	127
Чувство вины ни с чем невозможно сравнить	127
Как если бы шла я по белому снежному полю	128
Сохрани это слово в своей голове	129
А где-то внезапно, случайно, врасплох	129
Так по какой себя судить мне мерке	130
Тогда, когда надумаешь всерьёз	130
Решаешь одну проблему и попадаешь	131
Возвращайся к себе	132
Всё перемелешь, созреешь, потянет к строке	133
Начало – причал для каких-нибудь слов или фраз	133
Как-то гадалка мне нагадала на картах однажды	134
Так всё меняется	135
Леплю снеговика	136

Литературно-художественное издание

ЛЮДМИЛА БАКИРОВА

**ЛЕТЯЩИМ ПТИЦАМ
НЕТ ЧИСЛА**

Стихи

Редактор	<i>Николай Иблин</i>
Художник-дизайнер	<i>Дилмурад Мулла-Ахунов</i>
Технический редактор	<i>Рахмон Ахмедов</i>
Корректор	<i>Саидабону Сайдамирова</i>
Компьютерная верстка	<i>Ойсанам Исмоилова</i>

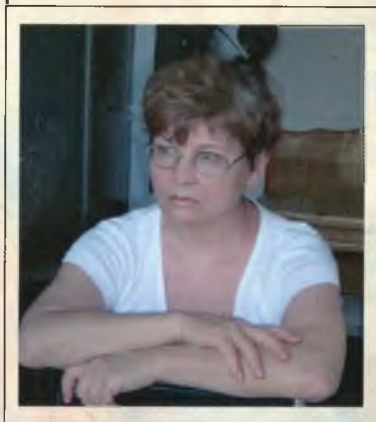
*Издательство «Katalak»
Ташкент – 2019*

Издательская лицензия АІ № 193, 10.05.2011. Подписано в печать 14 октября 2019 года. Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Times New Roman». Бумага и печать офсетная. Условно-печатных листов 7,56. Тираж 2000. Заказ № 44-19. Заказ типографии № 182.

ООО «Katalak-PRESS», город Ташкент, улица Навои, 30.
Телефон: +998-71-244-40-91.

Отпечатано в типографии ООО «Spectrum Media Group».
Город Ташкент, Яккасарайский район, улица Кушбеги, 6.

*Адиб ва
жамият*

«KAMALAK»

ISBN 978-9943-6005-0-8

9 789943 600508